
ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ РОССИИ

ПОЛИВАРИАНТНОСТЬ ЭВОЛЮЦИИ И УПРАВЛЕНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫМИ ПРОЦЕССАМИ

(ПАРАДИГМА ОБНАРУЖЕНИЯ АЛЬТЕРНАТИВ РАЗВИТИЯ
НА ПРИМЕРЕ 1920-Х ГОДОВ) *

С.Ф.Гребениченко

С середины 1980-х гг. исследование комплекса проблем переходного состояния общества приобрело исключительно важное значение. Объясняется это целым рядом причин Во-первых, страна тогда действительно вступила в принципиально новый период своего развития — период преодоления тоталитарного прошлого и выхода на демократический путь эволюции Во-вторых, началась скрытая и открытая борьба различных политических сил за выбор того или иного варианта движения по пути преодоления отживших форм социально-экономической жизнедеятельности.

Сейчас, когда все более активно разрабатываются альтернативные модели макроуправления хозяйственными процессами в России, исторически обусловленная закономерность как однонаправленность, инвариантность эволюции понимается все большим числом ученых лишь общей тенденцией, в своем реальном воплощении обрастающей такими факторами, которые существенно видоизменяют весь ход развития. Причем, выясняется, что видоизменения эти могут быть как "прогрессивными", так и "регрессивными". Какая же совокупность факторов и как определяет тот или иной вектор развития, до недавнего времени не брался решить, пожалуй, никто. Это фактически — одна из проблем, которую предстоит интеграционно разрабатывать общественным (да и не только) наукам еще, наверное, долгое время.

В таком контексте данная статья, очевидно, представляет значительный интерес уже самой нетрадиционной постановкой проблемы вполне социологического исследования. Речь не только о том, что ситуация 1920-х годов в России, к которой прикован интерес автора, закономерно рассматривается как потенциально и актуально альтернативная, но и главное — в работе впервые дается оригинальная технология обнаружения самих ситуаций альтернативности. Это — серьезная новация в научной литературе Действительно, о возможности альтернативного развития экономических, социальных процессов, о поливариантности полити-

* Автор выражает глубокую признательность д.ф.н., магистру государственного управления В.П.Давыдову за ознакомление с рукописью статьи и ценные рекомендации.

ческих событий так или иначе писали в последние годы многие. Но одно дело - поставить вопрос о принципиальном наличии альтернатив и совсем другое — дать не только реальную технологию обнаружения самих ситуаций альтернативности, но и методiku структурно-функционального анализа тех или иных возможных вариантов управляемого хозяйственного развития в вполне определенных условиях.

Отметим, что акцентy работы не позволили автору широко прописать все прагматические последствия предлагаемой парадигмы анализа; однако, кто поймет принципы исследования, его методiku, тот без особого труда выйдет на простор практического приложения технологии.

Оригинальность работы состоит еще и в том, что автору на базе, казалось бы, достаточно узкой (объектом отработки технологии обнаружения ситуаций альтернативности является эволюция политико-правового регулирования мелкого промышленного производства, а точнее - промышленной сферы, игравшей в 1920-е годы значительную роль в народно-хозяйственной деятельности) удалось "сработать" методологию анализа, пригодную, по сути, для гораздо более широких и сложных систем.

Речь идет о выявлении и анализе объективных условий формирования альтернативных ситуаций с помощью теории нечетких множеств, приложенной к продвинутому аппарату факторного анализа динамических рядов. Главное же состоит в том, что предложенная технология наряду (или в сочетании) с имитационно-прогностическими моделями позволяет перейти от гипотетических умозаключений об оптимальности исторического выбора социальных субъектов в какой-то момент (которые сами по себе могут играть — особенно в специфических ситуациях — и самодостаточную роль) к верифицируемым процедурам анализа, что выводит исследование на новый уровень, обеспечивающий в результате более достоверную информацию об исследуемом объекте.

Новаторская технология автора вполне приложима и к сегодняшней ситуации в России: ведь российское общество в своей неустойчивой ситуации переходности как раз и выявляет множество ситуаций альтернативности. Тем более, что в научных кругах (как наших, так и зарубежных) даже принципиальные оценки ситуации в России, "сработанные", увы, на чувственном уровне, разнятся подчас кардинальным образом. Так, А.Улюкаев уверен, что в России уже сформирована новая экономика, ставшая делом либералов, которая, в свою очередь, является и базисом российского либерализма (см.: Мир России, 1995, № 2, стр. 3). А.Макушкин же считает, что за десять лет перестройки и "радикальной реформы" мы "имеем... ситуацию фактически состоявшегося экономического банкротства" (там же, стр. 49). А профессор А.Тилле пишет: "У нас не только нет "рыночных реформ" (или строительства капитализма), но нет даже "переходного периода" к ним!" (Советская Россия, 5 сентября 1995 г.).

Понятно, что если среди ученых такая разногласица, можно себе представить, какой оке разброс мнений среди руководящего слоя, административных работников, не говоря уже о "рядовых гражданах". По сути дела, сегодня ситуации альтернативности возникают чуть ли не everywhere. И именно из-за неустойчивости, неопределенности прежде всего общеполитической ситуации. А если к этому добавить необходимость учета множества геополитических, международных (имея в виду и дальше, и новое зарубежье) проблем, конфликтных ситуаций в самой России и т.д., то вычленение, выявление и просчет потенциальных и актуальных ситуаций альтернативности становится чрезвычайно сложной задачей, в решении

которой могут, помочь, видимо, лишь аналитико-математические процедуры типа предложенных в настоящей статье. Конечно, опыт подобного анализа есть лишь первый (или один из первых), но движение научной мысли в таком (или подобном) направлении, видимо, сулит значительные выигрыши как во времени, так и в качестве исследования.

Даже если взять такой аспект анализа ситуаций альтернативности, как законодательная база ведущихся (как они ведутся — это другой вопрос) преобразований, то уже здесь предстоит огромная исследовательская работа. Какова должна быть нормативная база реформ? Уже на этом вопросе нельзя не споткнуться, ибо сразу возникают другие вопросы: а каких реформ? реформ для чего? в интересах кого? и т.д. Не решив эти общие вопросы, нельзя, по сути дела, определить, каким же должен быть, вообще говоря, свод необходимых нормативных актов. Решение же этих общих вопросов находится в поле политической борьбы. Получается в определенной мере замкнутый круг: без политического решения общих проблем невозможно сформировать объективно целесообразное законодательство, без последнего же общество как бы "болтается" между различными альтернативами своего развития.

В этом отношении нелишне вспомнить чрезвычайно плодотворную мысль академика Н.Моисеева, высказанную им ряд лет назад и вызвавшую довольно оживленную полемику в научной среде, относительно того, что мы не можем "управлять" обществом, а лишь "направлять", т.е. обеспечивать желаемые тенденции развития или предотвращать опасные повороты событий (см.: Вопросы философии, 1991, № 3, стр. 19-20). А чтобы "направлять", требуются, помимо многого, и огромные интеллектуальные усилия, которые сегодня очевидно не могут быть вполне удовлетворительными без комплексных "расчетов" и "просчетов" возможных ситуаций поливариантности выбора русла дальнейшего развития.

I

Надо сказать, что сама по себе проблема наличия альтернативных ситуаций в социальных процессах вообще, рассматриваемая преимущественно в онтологическом аспекте, — не нова. Она была поставлена в отечественной историографии еще более 20 лет тому назад стараниями представителей известной сибирской (точнее, томской) — наинемнее в то время догматизированной — школы методологии истории (1). Ее постановка была связана, прежде всего, с нетрадиционным тогда ракурсом анализа революционных ситуаций в России. Постулировалось, что альтернативы проявляют себя (под воздействием объективных законов) в некоторых точках исторического времени как возможности сущностно различающихся вариантов последующих событий, за победу того или иного из которых ведется борьба групп социальных субъектов (масс, классов, политических организаций и т.д.).

Так обозначенная проблема альтернативности, в принципе, не была отвергнута, однако, и не возымела особо стимулирующего эффекта на способы выработки и решения исследователями широкого круга исторических вопросов. Для диалектически мыслящих историков с революционными ситуациями, как ситуациями выпукло альтернативными, плюс-минус все было ясно (2). Однако, не ясным оставалось следующее: имеют ли место исторические альтернативы в иных — не так явно детерминированных -

социальных явлениях и процессах? Ведь конкретное содержание последних не всегда столь уж очевидно для историков проявляло (пусть даже если и скрыто имело) — *в виде некоторого набора альтернатив* — разницу форм - форм, активность одной из которых могла со временем изменить содержание определенного процесса. Или другой момент: ведь многие процессы, приковывавшие исследовательский интерес, характеризовались отнесенным однообразием форм социальной (групповой) жизнедеятельности, а эти внешне одинаковые формы явным образом не позволяли обнаружить — *в виде спектра альтернатив* — различия их содержательных наполнений — наполнений, одно из которых в перспективе могло, диффундируя, как -то видоизменить общую форму реального процесса.

Таким образом, исподволь возникала задача гносеологического свойства: требовалась разработка (причем, экспериментальным — опытным - путем) методолого — методического инструментария обнаружения исторических альтернатив в эволюции конкретных социальных явлений.

Решение этой задачи как бы то ни было предопределялось рядом обстоятельств, проявившихся (достигнутых) к началу 1980 -х гг. в ходе развития отечественной исторической науки. О чем идет речь? Прежде всего, о том, что все большее число исследователей начинали понимать: исторические альтернативы — явление, присущее только массовым, по сути, процессам; лишь в последних возможны постоянно сменяющие друг друга *фаза* вызревания и взаимодействия ("противостояния") различных закономерностей-тенденций и *фаза* торжества одного из сущностно различающихся вариантов дальнейшей эволюции (3). Пристальное внимание в историографии к массовым процессам повлекло за собой постулирование и операциональное использование (при их анализе) понятия *массовых исторических источников* (4). Рос круг приверженцев того, что "массовыми являются источники, характеризующие такие объекты действительности, которые образуют определенные общественные системы с соответствующими структурами; массовые источники отражают сущность и взаимодействие массовых объектов, составляющих эти системы, а следовательно, строение, свойства и состояние самих систем" (5). Формулировка понятия массовых источников, связанная с усиливавшимся распространением в историческом знании идей системного анализа, означала, что при таком взгляде на — вроде бы известные — виды источников (актовые, статистические, др.) следовало подходить к разработке их сведений с иных, чем до этого, теоретических принципов (6). Системный подход, помимо многого, очевидно предполагал рассмотрение явлений и процессов в богатстве взаимодействия их структурных и динамических составляющих, разумеется, на основе овладения и совершенствования продвинутых — прежде всего, математико-статистических — методов обработки, анализа и синтеза информации массовых источников. По мере адаптирования историками некоторых методов многомерного анализа (*главным образом, относимых к классу процедур имитационно-прогностического моделирования — модели структурных сдвигов, уравнения линейной и нелинейной регрессии*) к решению различных конкретно — исторических задач, оказывалось вполне очевидным, что такого рода методы — более -менее удачное инструментальное средство для изучения ситуаций альтернативности во многих эволюционных процессах.

Так, И.Д. Ковальченко, построив ряд регрессионных моделей на основе статистических данных о состоянии сельского хозяйства России в конце

XIX в., проанализировал возможное "поведение" каждой из двух реально имевших место альтернатив аграрной эволюции (буржуазно - демократической и буржуазно — консервативной) в случае, если б одна из них под перспективным действием субъективных факторов однозначно восторжествовала (7). Несмотря на то, что модель (в силу внутренней логики использовавшегося автором алгоритма линейной регрессии) имитировала контрфактическую, т.е. возможную — не реальную — ситуацию (8), по мнению ученого, в результате удавалось вскрыть качественный потенциал каждой альтернативы и, самое главное, значение борьбы в обществе за победу того или иного варианта развития. Другой исследователь - Ю.П. Бокарев, вооружившись аппаратом дифференциальных исчислений, обратился к материалам балансового учета 1920-х гг. с целью проверки гипотезы, состоящей в том, что прообраз нэпа и прообраз коммунистической модели управления, будучи не вполне оформленными, одно время сосуществовали, и нэп, по сути, явился впоследствии лишь реализованной альтернативой, т.е. последний не был **однозначно** необходимым результатом предшествующего этапа народно — хозяйственной эволюции (9). На основе нескольких симуляционных моделей историк, на наш взгляд, убедительно подтвердил эту гипотезу, вывел ее, так сказать, в разряд доказанных положений (современного уровня) историографии (10). В свою очередь, специалист компьютерного моделирования Л.И. Бородкин — на основе данных демографической и расширенной налоговой статистики периода нэпа, активно разрабатывавшихся М.А. Свищевым, — экспериментально обратился к математическому аппарату *марковских* цепей и классу так называемых *моделей структурных сдвигов*. В итоге творческого сотрудничества был "пролонгирован" до конца 1930 -х гг. — *вероятностный (с точки зрения, скажем, выбора властью варианта регулятивного воздействия), но при этом в свое время объективно обусловленный (наряду с другими, кстати) - "сценарий"* социальной динамики крестьянства, проявившийся было во второй половине 1920 -х гг., но вскоре прерванный реализацией (со стороны социума) иной альтернативы (11). Академик И.Д. Ковальченко, используя аналогичный математический инструментарий "марковских цепей" (адаптированный Л.И. Бородкиным к сути поднятых и исследуемых первым фундаментальных исторических вопросов), проанализировал возможные изменения в социальной структуре деревни начала XX в. в случае, если бы столыпинская аграрная реформа протекала при иных условиях, не была бы прервана смертью П.А.Столыпина и событиями I мировой войны, была бы доведена до определенного логического конца. Результаты его ретропрогноза показали, что — даже при гипотетичном варианте полной реализации "столыпинской альтернативы" — социально — аграрное развитие не имело бы того качества, которое объективно предотвратило бы революцию 1917 г. в деревне (12).

В целом подобного рода источниковедчески ориентированные работы привнесли в историографическое осмысление проблемы исторических альтернатив, помимо многих методических открытий, ряд новых или же экспериментально подтвержденных теоретико — методологических положений. Последние постулировались в контексте позитивной верификации на комплексах массовых источников, поэтому-то имеют фундаментальную ценность, особенно в нынешних условиях, когда интерес к проблеме альтернативности значительно возрос (13), и когда стараниями неопитов от истории эта проблема приобретает — по диагнозу одного из специалистов

- "какое -то болезненное звучание, не имеющее ничего общего с наукой, а скорее с маниловскими мечтаниями: вот если бы, да кабы..." (14). Останемся на некоторых, выработанных-таки опытным путем, методологически важных положениях.

Альтернативы — это сущностно различные возможности последующего (относительно конкретного рубежа) развития какого -то процесса. В ближайшей перспективе может быть реализована лишь одна из возможностей, т.е. реализация альтернатив вероятностна. Ситуации проявления альтернатив имеют место *действительно*; иными словами, они есть историческая реальность. Сами же альтернативы — это лишь потенциалы будущего. Реализация определенной альтернативы означает, что та превратилась в действительность, стало быть, теперь альтернативой тому, чему была раньше, уже не является. Отдельно взятая из исторического (ситуативного) контекста альтернатива (впоследствии реализованная или не реализованная) не может истолковываться ни как **противоположение** (15) всей существовавшей — *в конкретный альтернативно-ситуативный момент* — реальности (т.е. системе фактического положения вещей), ни как **противоположение** недавнему (от того момента) альтернативно — ситуативному прошлому, ни как **противоположение** ближайшему (от того момента) *ретроспективно историком осмысливаемому* будущему. Альтернатива может быть противоположением только альтернативе, причем лишь тогда, когда обе рассматриваются в одном временном срезе.

Объективная основа ситуаций альтернативности заключена в специфике взаимодействий (в каждой временной точке) *слагаемых* конкретного процесса и его внешних — объективных — *факторов*. Субъективные (в языке математической статистики — характерные) факторы играют ведущую роль в снятии альтернативных ситуаций. Либо, превращаясь в реальность, торжествует одна из возможностей (причем, торжествует благодаря вмешательству познающих субъектов) и, тем самым, альтернативная ситуация исчерпывает себя; либо — в силу отсутствия активного вмешательства субъектов — ситуация с данным набором альтернатив объективно сменяется другой ситуацией, характеризующейся иным набором альтернатив.

По большому счету, те социальные явления, к которым чаще всего обращаются историки (причем, преимущественно в определенном пространственно-временном срезе), — дискретны, что в свою очередь, подразумевает неоднозначность потенциальных векторов их эволюции. Эти явления, образно говоря, — всего-навсего протоки, от сезона к сезону меняющие свои русла, в дельте того или иного непрерывного всеобщего - глобального — процесса. Поэтому -то эволюция таких явлений, как правило, детерминирована некими частными законами — тенденциями лишь вероятностным, а не однозначно — необходимым образом. Отсюда, и проявление альтернативности в ходе развития конкретных явлений. Однако, альтернативная форма эволюции, предполагающая возможность какого -то сознательного "маневра" со стороны социума, отнюдь не отрицает закономерности естества эволюции. Ибо, при ведущей роли субъективных факторов в снятии альтернативных ситуаций, потенциал выбора (у познающих и изменяющих действительность социальных субъектов) ограничен -таки... Чем ограничен? Прежде всего и главным образом, — пространством объективных факторов, интенсивность проявления каждого из которых (в реальном масштабе времени) только — то и создает альтернативы.

II

Перенесем наши рассуждения в предметную плоскость исторического анализа. И для этого обратимся к одному из многих — полных *драматизма событий, острых противоречий, явно представлявшихся и отчасти отвергавшихся возможностей социального выбора* — так называемых переходных периодов в отечественном прошлом, каковым несомненно являлись 1920-е годы. В качестве объекта эксперимента по отработке технологии ретроспективного обнаружения ситуаций альтернативности может представить особый интерес эволюция политике — правового регулирования сельского мелкого промышленного производства, иначе говоря, промышленной сферы.

Последняя в тот период, следует заметить, имела высокую народно-хозяйственную значимость. Так, летом 1924 г. газета "Правда" — официальный рупор большевизма — вынуждена была признать, что "промыслы служат основной базой всего народного хозяйства" (16). Это было отнюдь не случайно. Дело в том, что сельские промыслы даже к второй половине 1920-х гг. все еще создавали до 68% всех швейных товаров в стране, до 40% трикотажа, 70% меховых изделий, 63% мебели и деревянной хозяйственной утвари, 62% потребительских (неэкспортных) мучных и крупяных изделий, 60% всех прочих готовых к употреблению товаров пищевого назначения, свыше 50% игрушек, украшений, музыкальных инструментов. Мало того, промыслы представляли до 37% (!) национальной обработки черных металлов, 1/3 часть выработки "стратегических" смол и дегтя и 1/4 часть веществ целлюлозной химии, выжиг 24% технической огнеупорной керамики, 17% добычи и первичной обработки минералов, и т.д. Одновременно, как минимум, 1/3 часть стоимости совокупного советского экспорта извлекалась исключительно из промышленной сферы (17). В целом это была социально-производственная сфера, по своей внутренней сути продвинуто сориентированная на естество рынка, с которой так или иначе были связаны судьбы миллионов населения, к которой постоянно и отнюдь не случайно был прикован фискальный интерес властей и которую, в конечном счете, государство стремилось преобразовать с позиций экономических идеологом коммунизма, путем введения время от времени все новых норм запретительного права (18) и ужесточения контроля за их исполнением.

Нормотворчество по отношению к промышленной сфере — сфере, наиболее ярко и от года к году стабильно характеризующейся своей многоукладностью, а поэтому-то и "плохо укладывающейся" в коммунистически задуманный социально — экономический идеал общества, — являло одну из важнейших, если не ключевую, политическую задачу-функцию системы властного управления на протяжении всех 1920-х гг. Власть, *вооруженная "всесильным, и стало быть, верным" учением марксизма (вернее, большевизма), всемерно проектируя и при надобности рубежно корректируя исход своего правового воздействия на промыслы, этот оазис устойчиво прорастающих "мелкобуржуазных" устремлений и "господства самого дикого частного капитала"*, апеллировала к необходимости учета совокупности объективных факторов и условий нового строя — с одной стороны, а с другой же — пыталась оградить поле своего "революционного эксперимента" от неблагоприятного -де влияния "агонизирующего" мирового капиталистического развития и небольшевистских (в том числе, и различного рода, в принципе, социалистических) экономических идеологов, исподволь

генерируемых внутри страны. Будущность (того, что еще проявляло себя как промысловая сфера) **виделась лишь с позиции как бы то ни было однозначного понимания господства исторической необходимости (закономерности) в обществе.** А последняя — таки, исходя из доктрины революционного преобразования, никаких перспектив различным формам сельского мелкого производства — на стадии приближаемой всеобщей "коммунальности" (обобщественности) — не предусматривала.

В таком имевшем место теоретическом контексте политического времени 1920-х гг. ни о каких альтернативах регулируемой эволюции промысловой сферы не могло быть и речи. Да тогда об этом по-просту не задумывались. Речь если и шла, то о выборе тактических шагов на каждый очередной этап наступательного воздействия. В "царстве целей" того периода (а именно им, кстати и образно говоря, является любая хозяйственная политика) праворегулятивный поток давления на село заключал в себе набор-механизм избранных (с учетом осознанной-де единой "генеральной объективности") средств, методов, исполнителей, контроля и т.д., взаимодействий между ними.

Между тем, именно последние — *даже если в идеале и просчитанно зависимые от латентных общественных законов и их оживляющих закономерностей-тенденций* (19) — в первую очередь отражали, что ни говори, волю и потенциал властвующих субъектов; мало того, в растущей массе управленческого документооборота неожиданно проявляли такие единичные и суммативные векторы случайного воздействия, которые, "взрябив", порой способны были нарушить весь политически взлелеянный ход объективно необходимого-де централизованного переустройства промыслов. Как представляется, макромасштабный процесс регулирования — с упором на волю диктатуры, *"все и вся" объективно познающей в действии и "все и вся" революционно преобразующей этим действием*, — заключал сам по себе вероятность такого системного "возмущения", которое то и дело смещало траекторию движения то к одному, то к другим (ранее и не предполагавшимся) руслам управления и, соответственно, руслам эволюции (управляемого) объекта.

Однако, нельзя отрицать того, что правоформирующая деятельность - ядро властного управления промысловой сферой — была в 1920 -е гг. вполне реалистичной. Она, преследуя известные политические цели (а вне их ее и быть не могло), в определенной мере рационально реализовывала объективно необходимые центральные организационные и регулятивно - контрольные функции. Ее рационализировало многое: личный и групповой опыт большей части управленцев, пришедших из "царского вчера"; теоретический багаж и организационные навыки так называемых "профессиональных революционеров", по сути долгие годы не только подрывавших устои предыдущего государственного устройства, но и тем самым (подпольно, условно говоря, как "теневого кабинет") готовивших себя к управлению страной на случай взятия власти; общественное мнение, к которому всегда апеллировал большевизм; чаяния миллионов крестьянских масс, их чаще неформальный, даже если и пассивный, но все ж таки контроль за деятельностью новых "власть предержащих"; впервые в мире как бы то ни было формирующаяся в рамках именно советской политической системы наука выработки социально — экономических управленческих решений (20); др. В приведенном ряду особое место занимали постоянная опасность — для стабильности власти — макрохозяйственных просчетов и

ошибок, своеобразно и навязчиво осознаваемый страх возможности политического "термидора" (21), лавирование перед крестьянством в силу боязни его оттолкнуть от "диктатуры пролетариата", подобравшей власть и упражняющейся с ней в аграрно — промысловой стране.

Вместе с тем, праворегулятивный процесс управления промысловым развитием села не мог быть полностью рационализирован. Не все, разумеется, поддавалось полному политическому осознанию, исчерпывающему расчету. Зачастую тщательно властью планируемое — как некая стратегия - на уровне отправных проектов — документов (декретов, обязательных постановлений) переходило в последующих отдельных актах в зону вынужденных импровизаций, экспромта, принятия чрезвычайных решений "на ходу", пересмотра некоторых заявленных пунктов в уже принятых законах. Предполагалось, что такого рода тактическая "ретушь" якобы не нарушит стройную -де линию ранее задуманного; однако, на деле она-то и неожиданно (иррационально) взрывала путь и темп приближения к так сильно политически желаемому.

III

Запуск и регулировка различных механизмов властного воздействия на промысловую сферу села в 1920 -е гг. осуществлялись посредством преимущественно подзаконных актов. Их число было крайне велико, что вообще-то присуще любой диктатуре, с вынужденной постоянностью рассматривающей общественную ситуацию как чрезвычайную. Количество декоративных законов тонуло в море нормативных актов. Центральные исполнительно — распорядительные структуры, укомплектованные за счет "тончайшего" слоя "большевистских интеллектуалов", присваивали функции законодателя, полностью подменяя собой высшие представительные органы. Такой "законодатель" делегировал все больше директивных полномочий низшим этажам государственной иерархии, "министеризировал" общественные организации, наделял внутриведомственные документы обязательностью к исполнению практически всеми товарно хозяйствующими субъектами на селе. Хотя тогда компартия формально еще не декларировала себя высшей властной инстанцией народного хозяйства, решения ее центральных органов были неукоснительны для любого члена, т.е. фактически для каждого "государственного мужа". Последний, то там, то здесь, "сгорая на доверенной работе", выдрессированный в уставном принципе "демократического централизма" (но прежде всего, конечно, "централизма"), с его жестким субординационным "послушанием", руководствовался в практической деятельности исключительно буквой *декрета-постановления* и их опредмечивающих *инструкции-циркуляра*. Партийные резолюции, в начале 1920-х гг. *расшифровывающие (популяризирующие) властно генерируемые акты гражданского и хозяйственного права, а во второй половине 1920-х гг. чуть опережающие вновь вводимые правовые нормы*, если раз обратиться, являлись средством идеологического сопровождения (укрепления в доктринальной вере на счет) государственно "спускаемых" принципов и механизмов централизованно управляемого социально — экономического общежития, т.е. функционирования всех "пор" народного хозяйства. Еще с момента первых декретов (22) большевики продолжали верить во "все побеждающую силу" насаждаемых норм новой "социалистической законности", ото дня ко дню укреплялись в такой своей приверженности. Издан

декрет — определены рамки "дозволенного", указаны субъекты и формы циркулярно — инструкционной развертки, определена иерархия контроля и отчетности по претворению в "законе" очерченного — значит, предполагалось, дело не замедлит сказаться "плюс-минус" прогнозируемыми результатами.

Углубленный анализ отношения к промысловой сфере в политических (в т.ч. хозяйственно-отраслевых и региональных властных) кругах показывает, что 1920-е гг. — это не столько время "борьбы" по вопросам о кардинально разнящихся путях экономической эволюции одной из важнейших социально — производственных сфер (23) (*ведь коммунистическая задача полного государственного регулирования села никогда (!) не снималась*), сколько — и главным образом — период укрепления "декретно - циркулярного" механизма функционирования народнохозяйственных составляющих и формирования в массовом (в т.ч. в управленческом) сознании "декретно-циркулярного" образа восприятия — отражения — экономической действительности. В этой связи, однако, вряд ли можно согласиться с "модным" тезисом экономиста С.В.Цакунова о том, что советская историография долгие годы гносеологически была привержена "именно "декретному" образу нэповской действительности" (24). Последний, на наш взгляд, как мощный нормотворческий поток — феномен, *характеризуемый не только целенаправленно закладывавшимися в каждый документ чертами, но и неожиданно, в массе документооборота, проявлявшимися кумулятивными свойствами* (25) (*которые каким-то образом реорганизовывали общество в целом, его промысловую и иные сферы в частности*), до сих пор фундаментально не исследовался, надо сказать, попросту остается "незнакомцем" для отечественной историографии (26). Не секрет, что при обилии всевозможных работ о государственном, партийном руководстве той или иной социальной "нишей", проблема эволюции регулирования (управления) общественными процессами и явлениями в 1920 -е гг. с позиций системного анализа всей совокупности культивируемых тогда норм права (*а не путем осмысления набора отдельных, каких бы кому-то и ни казалось, "ключевых" документов*) не ставилась (27). Такая ситуация имеет место несмотря на, вроде бы, доступность официальных изданий законодательных и нормативных актов изучаемого периода. Дело очевидно осложнено тем, что обращение к ним, как к некоему единому комплексу источников, во взаимосвязи его слагаемых, требует специальной разработки приемов анализа, существенно иных, чем применяемых при изучении отдельных текстовых документов.

Комплекс актовых материалов (с внутренне сложным, неструктурированным содержанием текстов), в случае его рассмотрения как пласта массовых источников, может быть конструктивно исследован только путем привлечения современных технических средств и новейших информационных технологий (28). Традиционные подходы, предполагающие выборочное (хотя бы и всестороннее) изучение каждого отдельного акта, извлеченного из определенного массива документов, не имеют перспективного смысла. Даже если такое, поэтапное, изучение акта за актом характеризуется особой скрупулезностью. Ибо — при подобного рода подходах — многообразии иерархических и неиерархических взаимосвязей между информационными блоками множества документов остается просто "неосвязаемым", находится за гранью корректной интерпретации. Мало того, только при включении конкретного нормативного источника в качестве первичного элемента в

нечто неразрывно целое, у первого глубже проявляются сущностный "остов", до этого "неявная" содержательная структура и внутренняя логика. Ведь вполне очевидно, что в "природе социума" отдельный, скажем, нормативный акт сам по себе, в отрыве от других, не действовал. Он существовал, выполняя необходимые "ролевые", социальные функции, лишь в контексте общей праворегулятивной системы. Стало быть, и изучение каких бы то ни было актов документов вне (автономно от анализа) правового - нормотворческого — потока (29) на нынешнем этапе историографии теряет былое познавательное значение.

Подчеркнем, чем больше исследуемая совокупность текстовых документов, тем "непропорционально мощнее" проявляется информационный потенциал (30), присущий только этой совокупности и, с методологической точки зрения, неделимый на число составляющих ее документов (31). По большому счету, при обращении к комплексу законодательных и нормативных актов важно решение целого круга источниковедческих вопросов (далеко не простых по сути и не традиционных — даже для исследователей-"квантификаторов" — по форме (32)), разумеется, в русле системно-структурного подхода, работы на принципах источник-ориентированной базы данных, привлечения передовых компьютерных (статистических, лингвистических, когнитивных) технологий формализации/агрегации текстовой информации, ее последующих продвинутых синтеза и анализа, построения содержательных моделей на такой основе.

В исследовательском плане нас заинтересовали, помимо законов (вернее, того, что в 1920-е гг. именовалось законами (33)), документы высших институтов власти и хозяйственных ведомств, так или иначе обладавших (наделенных) функцией подзаконного нормотворчества в аграрно-промышленной сфере. Эти документы — разновидности правовых актов, издававшиеся либо как первичные (отправные) регуляторы, но только (!) в соответствии с законом "новой, социалистической эпохи", либо создававшиеся во исполнение последнего, т.е. для конкретизации изначальных (в законе положенных) предписаний и (или) их толкования. Подчеркнем, что всю совокупность такого рода правовых актов (в т.ч. законов) следует рассматривать не только как набор, скажем, просто властных документов, отражающих лишь цели и намерения, но, главным образом, как **комплекс прямых политических действий власти** и как срез ее реальных управленческих механизмов. В науке истории государства и права новейшего периода это ключевое положение никогда не подлежало сомнению, чего не скажешь о позициях отдельных современных историков собственно общества. Для последних законодательные, нормативные акты, увы, прежде всего, — свод где-то "витающих" казуистических деклараций и идеологем, оторванных — де от реалий социума, поэтому-то не требующих особого (первостепенного) внимания даже, например, при изучении политического лона закономерностей социально — экономического развития (34).

Каков был круг субъектов правоформирующей деятельности в промышленной сфере? Во главе политике — правовой иерархии конституционно, хотя, в известной мере, и формально, находился, образно выражаясь, "советский парламент" — съезд Советов. Затем "шли" ВЦИК (ЦИК), его президиум, комиссии и комитеты; правительство (СНК), его постоянные и временные комиссии — СТО, ЦКТОП, др.; ЭКОСО союзных республик. Все они (за исключением последних) как бы то ни было уже к 1920 -му году издавали не только подзаконные нормативные акты, но даже вполне само -

стоятельно "высшие" документы ("законы") — декреты, обязательные постановления, положения, имевшие всеобщую юридическую силу, которые только-то и мог отменить ("оспорить") — выгодно для них действовавший не на постоянной основе — съезд Советов (реже — ВЦИК/ЦИК по апелляции одного из наркоматов). Ниже в иерархии промыслового нормотворчества "от имени" — так сказать — и "по поручению" правительства располагались наркоматы — объединенные: ВСНХ, Наркомпрод, Наркомфин, Наркомтруд, НК РКИ; общесоюзные: Наркомвнешторг, Наркомпуть, Наркомвоенмор и др.; республиканские. Несколько особняком "стояли" Госбанк и Центральный Сельско — Хозяйственный Банк; значительное число их актов носили так называемый локальный характер — регулировали внутривидовые отношения. Однако этим организациям, наряду с большей частью республиканских наркоматов, было предоставлено право издавать и акты широкого — внешнего — действия. 1920-е годы, как известно, — период расцвета "делегированного законодательства". Причем, тогда передача диктатурой правотворческих прерогатив осуществлялась и негосударственным образованиям — ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, др. Но их подзаконные (кстати, обязательные к исполнению всеми юридическими лицами в промысловой сфере) нормативные акты ни в коем случае не должны были "выползть" за абрис границ (правительственно) указных управленческих механизмов. Тем самым достигалось все большее огосударствление деятельности общественных формирований. Со временем, во второй половине 1920-х гг., руководящие структуры этих организаций и даже кооперативные и межкооперативные центры были наделены правом непосредственно законодательной инициативы. Однако, как ни удивительно, последние (высшие кооперативные органы) вплоть до лета 1929 г. процессуальной свободой подзаконного нормотворчества не обладали (35). Их внутренние документы отражали лишь крайне узкую собственную — уставную — компетенцию (в пределах преимущественно оргвопросов), являлись по сути делопроизводственными актами. Для кооперативных организаций в промыслах общую регулятивную функцию всей хозяйственной жизни, надо признать, выполняли исключительно государственные и ведомственные нормативные положения.

Несколько слов о документах местных (губернских, уездных) органов ведомственного управления. Это, как правило, — решения, распоряжения. Данные акты, будучи подзаконными, не являлись — в правовом смысле — нормативными. Поскольку они собой представляли лишь промежуточные эффекты механизма передачи властного импульса на низшие этажи управленческой вертикали к конкретному исполнению; при этом не имели функций правоконкретизирования или нормативного толкования (в т.ч. изъятия и дополнения, обобщенно говоря, "буквы") документов, исходивших от более высоких субъектов регулирования народного хозяйства вообще и промыслов в частности. На этот случай существовала **мощная** и весьма действенная **система контроля** за точностью административного прохождения решений к исполнителям, за соблюдением правил реализации "государственной и партийной законности" — структуры наркоматов юстиции и РКИ, прокурорского надзора, ЦКК ВКП(б) (36). Судьба чиновника любого уровня (тем более, местного), карьера ответственного работника и руководителя напрямую зависели от "ясного" понимания и "приверженности" нескольким взаимосвязанным аксиомам управления (37), которые, на наш взгляд, сегодня можно обобщенно озвучить так:

"социалистическая законность превыше всего", т.е. "будь апологетом этого нового государства и структуры его иерархического правления", "соблюдай на службе субординацию в спектрах предоставленных и прав, и обязанностей", "превышающая занимаемую должность инициатива наказуема", "суди о действительности предвзято, т.е. нормативно, поскольку ее масштабно не знаешь, с твоего уровня (вне высшей коллегиальности) ее-де по-просту не обозреть", и т.д., и т.п.

Иное дело — акты местных представительных (советских) органов и сельских институтов самоуправления (деревенских "сходов", к примеру). Они в принципе являлись и подзаконными, и нормативными документами, т.е. могли содержать какие-то специфические регуляторы хозяйственной жизни, которые, однако, не должны были выходить за рамки установок, требований советских законов или подзаконных актов центральных исполнительно-распорядительных структур (38). Документы, скажем, губернских съездов Советов, содержавшие "пионерные" или же расширительно толковавшие уже существовавшие нормы права в промышленной сфере, если не запрещались, то обязательно утверждались "столицей" в законодательном порядке, приобретая характер и значение общегосударственных. За все 1920-е гг. мы знаем не более десятка случаев такого положительного решения региональных инициатив в плане регулирования промыслов. В этой связи, как представляется, безусловно прав известный своими источниковедческими разработками актовых документов В.В.Журавлев, не раз указывавший на несостоятельность тех исследователей, которые даже применительно к (и не столь законодательно развитому) периоду ранней советской истории склонны видеть в "продукции" нормотворчества местных органов управления и самоуправления аж чуть ни "законодательные документы", некие первичные регуляторы, автономные или сущностно разнящиеся от формируемых тогда центральными политико — правовыми учреждениями (39).

В ходе кропотливого поиска в официальных справочниках и периодических изданиях, "служебных" сборниках нами было выявлено 1217 документов по проблеме управления промышленной сферой, изданных с января 1920 г. по декабрь 1929 г. Материалы включают фактически все известные и маловстречающиеся разновидности (их оказалось более трех десятков) актов новейшего периода — законодательных, нормативных, общественных организаций, ведомственного делопроизводства, межучрежденческих так называемого договорного вида (40). Какова их общая представительность? Документы законодательного и нормативного видов взяты, на наш взгляд, во всем их полном — касавшемся промыслов — объеме; во всяком случае, мы к этому стремились. Из актов общественных организаций (профсоюзов, ВЛКСМ, ВКП(б), Коминтерна) привлечены материалы только их центральных органов — отдельные положения уставов и программ, целиком резолюции, постановления, директивы, циркуляры, разумеется, непосредственно имевшие отношение к управлению и реорганизации промышленной сферы. Среди материалов ведомственного делопроизводства подобраны тематически интересующие документы (по своей исходящей принадлежности) не ниже республиканских наркоматов или главков, действовавших на правах наркоматов. Из актов договорного вида отобраны лишь те, у которых одна из их инициировавших (подписавших соглашение) сторон находилась в иерархии управления не ниже главка, действовавшего на правах наркомата, или являла собой центральный орган той или иной общественной органи-

зации общенационального масштаба. Этот эвристически подобранный источно-точниковый комплекс был положен в основу динамической базы данных **"Промысловая сфера в спектре властных притязаний и регулирования в 1920-е годы"**.

Понятно, что использование столь обширного по объему (свыше 14 тысяч страниц машинописного текста) и внутренне несистематизированного массового материала крайне затруднено, если вообще возможно при историографически традиционном осмыслении. Без компьютерного обеспечения, с его быстротой и верифицируемостью многомерных аналитико-синтетических операций (несравнимо более мощных, чем те, на которые способен человеческий мозг в единицу время/психозатрат), здесь не обойтись. Но для этого — *вне зависимости от того введены ли исследователем документы в память ЭВМ в своем естественном виде или их ввод предполагается после определенной ("вручную") формализации их содержания* — важно какими-нибудь процедурами структурировать и упорядочить текстовую информацию, т.е. придать ее трудно обозримому обилию четкие и повторяемые **формы**, а стало быть, и **меру**, которые только -то и пригодны для операционных алгоритмов компьютерных программ последующей обработки данных. Такая задача вполне разрешима в рамках специальных приемов преобразования текстов (*принципиально разработанных еще 40 лет назад, прежде всего — американскими социологами, в связи с анализом социальной коммуникации, "mass media"*), получивших название "контент-анализ". "Суть методов контент-анализа — по мнению И.Д.Ковальченко и Л.И.Бородкина — сводится к тому, чтобы выявить такие легко подсчитываемые признаки, черты, свойства документа, которые отражали бы существенные стороны его содержания" (41). Отечественными историками уже опубликованы десятки работ с применением контент-анализа, в том числе по проблемам его методики (42). К настоящему времени имеются и историографические обобщения этих работ (43). Как показывает анализ накопленного исследователями опыта в этом плане, общим для всех методик являются *составление перечня проблемно интересующих первичных понятий* (т.е. **индикаторов**) текстов и затем неформально — реже, формально — *логическое объединение* выявленных индикаторов в некие смысловые единицы (т.е. **категории**), частоты проявления которых в текстах подвергаются в итоге счету и анализу.

Большая часть исследователей, отечественных и зарубежных, использующих в своем познавательном арсенале процедуры контент-анализа, едины во мнении, что агрегированными категориями текста должны выступать как бы то ни было проявляющиеся в нем сюжетные темы, которые отражали бы, помимо прочего, обстановку изучаемого периода, обстоятельства создания документа именно через социально — значимые идеи. Однако, где та граница, агрегирование до которой первичных сведений (понятий) документа не дает утраты его исторической специфики? (44) На наш взгляд, в качестве ответа продуктивен такой подход: социально — значимые идеи, будучи смысловыми образованиями над группами первичных понятий (индикаторов) текста, — *в привязке именно к каждому документу из конкретного массового комплекса* — должны быть качественно независимы и статистически ортогональны, т.е. агрегированы до самого высшего информационного уровня (для данного текста), после которого дальнейшее содержательное обобщение без нарушения законов формальной логики невозможно. В результате, как представляется, полностью вскрыты -

вается внешне неявный рисунок смысловой композиции текста, предельно снимается энтропия и проявляется глубина информационного потенциала конкретного документа. При этом исторически уникальная специфика последнего не нивелируется; ведь категории, в случае решения каких-то исследовательских задач на уровне отдельных документов, т.е. вне всего массива последних, и (или) в случае экспертной верификации проведенного контент — анализа оперативно "раскладываемы" в обратном направлении вплоть до изначальных индикаторов (первичных единиц текста). В том-то и достоинство методологии (так трактуемого) контент-анализа, в отличие, скажем, от иллюстративного, описательного подходов, что он, с точки зрения синтеза текстуально заложенных мыслеформ, отчетливо продвинул, а результаты, полученные на его основе, воспроизводимы хоть кем, когда-либо и где-либо.

В этой связи очевидно, что выделяемые из текста на начальном этапе работы первичные понятия следует декларировать явным образом. Они, естественно, — в зависимости от целей исследователей — могут быть различными: ключевые слова, их сочетания, имена, упоминание каких-то событий и т.д. Для того, чтобы свести их к набору обобщенных категорий, неким образом характеризующих текст частотами своих встречаемости, нужно, разумеется, определить(ся) на каком уровне — предложения, абзаца, всего анализируемого документа — будет производиться формулирование категорий. Процесс построения смысловых единиц является главным этапом работы, ибо отражает методологический аспект формализации содержания нарративного источника (45). Именно здесь исследователь обязан проявить свой теоретический "багаж", углубленное историографическое знание динамики событий и обстоятельств создания документов, навыки выявления их сути и нацеленности, способность к операционализации социальных понятий, непротиворечивость логических посылов и многое другое (46). Большинство специалистов считают, что выделение первичных смысловых единиц текста и их агрегирование — исключительно прерогатива историка. ("Машине — машинное, а человеку — творческое" (47).) Это, следует признать, — в значительной степени интеллектуальная деятельность, которая на нынешнем этапе развития средств общей информатики по-просту не может быть полностью автоматизирована (48), хотя накопленный (в рамках "historical computing") опыт компьютеризации отдельных процедур контент - анализа уже позитивно ощутим (49).

Между тем, ряд исследователей — главным образом, зарубежных - все в большей и большей мере стремятся изыскать оптимальную (и именно) логическую основу, приемлимую для полной автоматизации контент - анализа (50) и, прежде всего, этапа (процедурного шага) объединения первичных индикаторов текста в емкие и контекстно адекватные смысловые категории. Иначе и пока, по их мнению, контент, при всех его очевидных достоинствах, выглядит все же если не искусственной, то отчасти "субъективной" методой социологов и историков (51).

На сегодня проявили себя два основных, несколько дистанцирующихся друг от друга, подхода к автоматическому переводу конкретных понятий текста в обобщенные категории. Первый — перевод осуществляется за счет (с помощью) специально созданного тезауруса, включающего так называемые "внешние" — относительно изучаемого текста - социальные знания, базовую лексику и идеографический словарь семантики отношений между лексическими единицами, логический инструментарий,

которые оформлены в виде промежуточного программного слоя (блока операционных алгоритмов) (52). В такого рода экспертной системе (ЭС) словарь "внешних знаний", используемых на шаге "машинной" интерпретации материала, обычно, в зависимости от анализируемого документа, может (должен) постоянно пополняться исследователем. Это, пожалуй, - наиболее уязвимое, с многих точек зрения, место данного (кстати, крайне времяемкого) подхода. Достаточно отметить хотя бы то, что контекстное богатство внутренней структуры изучаемого источника по сути субъективно приносится ЭС в жертву стационарному, "мало подвижному" автоматическому словарю внеисточникового происхождения. Более привлекательным, на наш взгляд, представляется другой подход, предложенный в свое время американским исследователем Х.Айкером (53). Автор идеи с коллегами (по ее программному оформлению) были, по всей видимости, озадачены стремлением обойти любую "творческую вольность" касательно категоризации, т.е. стремлением исключить какое бы то ни было влияние исследователя или систематизированного внеисточникового знания именно при процедуре объединения первичных элементов текста в категории его содержания. Упор делался на формальные методы агрегированной репрезентации документа. В компьютерном режиме работы все слова текста (после исключения вводных, служебных частей речи) сокращались до корней, подсчитывались частоты их встречаемости по предложениям и на такой статистической основе строилась ортогональная факторная модель. Выделенные в результате скрытые факторы, рассудительно предполагалось, соответствуют содержательным (причем, не "пересекающимся" и не "накладывающимся" друг на друга) категориям анализируемого документа. Последние подвергались интерпретации в языке гуманитарного знания. Такая технологически когнитивная парадигма контента (по сути, это - аналитический аппарат репрезентации текстов) в последующие годы получила дальнейшее развитие во многих концептуальных и программно - операционных модификациях (54). Ее-то мы и придерживались при разработке конкретной "идеологии" и методики формализации текстов комплексов актовых документов в их динамике за 1920-е гг. В ниже следующем изложении этой методики постараемся быть предельно доступными для понимания.

После введения каждого документа в его "естественном" виде в память ЭВМ производится повторяемый цикл процедур компьютерного преобразования текста (55). Выделяется (в отдельный файл) список всех наличествующих слов, синонимичные из них приводятся к единому виду. Затем из текста извлекаются все его первичные (с точки зрения законов русского языка) смысловые составляющие — словосочетания, разумеется, со строгим соблюдением синтаксиса. Строится электронная таблица вида "*объекты x признаки = значения*", где в качестве объектов выступают наруженные словосочетания, в качестве набора признаков — "ужатый" за счет синонимов перечень слов текста, значениями являются наличие (1) или отсутствия (0) каждого конкретного слова (из перечня) в данном словосочетании. После чего рассчитываются корреляционные коэффициенты для всех пар признаков. Пары признаков, у которых коэффициенты превышают 0,71 по модулю (56), используются для построения факторной ортогональной модели (57). По методу Кайзера (для остановки факторизации) (58) отбираются устойчивые общие факторы, т.е. по сути "скрытые" компоненты смысла текста на уровне словосочетаний. Компоненты интерпретируются,

исходя из значений факторных нагрузок; в итоге получают словесное выражение.

На следующем этапе строится новая электронная таблица вида "объекты x признаки = значения", где в качестве объектов выступают предложения, в качестве набора признаков — список (ранее) выявленных (на уровне словосочетаний) факторов, значениями являются суммы факторных весов для всех словосочетаний, входящих в данное предложение. После чего рассчитываются корреляционные коэффициенты у каждой пары признаков. Пары признаков, у которых коэффициенты превышают 0,71 по модулю, используются для построения новой факторной ортогональной модели. По критерию (методу) Кайзера отбираются устойчивые общие факторы, т.е. теперь уж по сути "скрытые" компоненты, вольно или не вольно заложенного в текст смысла на уровне предложений. Компоненты интерпретируются, получают словесное выражение.

На третьем этапе ("витке") описанные процедуры повторяются уже для абзацев, как элементов высшего смыслового уровня анализируемого текста. В результате выявленные факторы получают продвинутое словесное выражение и рассматриваются как финальные обобщенные категории текста документа. Значениями их проявления рассматриваются вклады в объясненную модель дисперсию, причем вклады в абсолютном выражении (59): 1; 1,1; 1,2; ...2; Таким образом, первые (т.е. значения) являются не просто частотами встречаемости категорий в тексте, но и одновременно (что очень важно) эффективно фиксируют силу проявления категорий.

Итак, предложенная методика неким (многомерно — статистическим) образом воспроизводит оптимальную логику гуманитарного восприятия отдельного письменного текста.

После модельной репрезентации всех текстов, вошедших в базу машиночитаемой информации, "обнаружил" себя полный список (повторяемых в различных документах) категорий, т.е. социально — значимых идей актов властного воздействия на промышленную сферу в 1920-е гг. Категорий оказалось 468. Они-то и составили "костяк" пространства признаков основного — *для конкретно-исторических целей исследования* — файла базы данных **"Промысловая сфера в спектре властных притязаний и регулирования в 1920-е годы"**. Помимо категорий, в этом файле был сформирован ряд информационных полей, характеризующих внешние атрибуты документов. Сейчас созданная база (архив) информации включает рабочий файл в виде матрицы "объекты — признаки" размером 1217 x 475, code-book, файл — перечень документов, а также сотни при необходимости иерархически связываемых файлов, репрезентирующих процесс перевода каждого документа из его естественного к модельно агрегированному виду (60). Проведенная в этом плане работа не имеет прецедентов ни в отечественной, ни в зарубежной историографии.

IV

Ныне, с теоретико-информационных высот науки истории — прежде всего, компьютерного источниковедения массовой документации — трудно понять, что в целом политике — правовая направленность нормотворчества 1920-х гг. (*эволюционировавшего, разумеется, в результате действия объективных — ныне вполне математически верифицируемых - факторов*) не являла собой стихийно проявляющуюся либо осознанную

однозначную необходимость. Подтверждение тому — результаты компонентного анализа содержания актов властного воздействия на промышленную сферу. Немного слов об этом этапе исследования.

Предварявшее компонентный анализ осмысление "статистической природы" 150 динамических рядов наиболее информативных (в базе данных) смысловых категорий нормотворчества в реальном масштабе хронологии (т.е. на уровне дней) позволило установить их (рядов) слабую автокоррелированность ($r < 0,1$). Стало быть, наличие и интенсивность проявления той или иной содержательной единицы в конкретном документе фактически не зависели от ее присутствия в предыдущих по времени актах, а определялись настоящим политическим моментом. Такая ситуация не типична для количественных разработок, где большинство динамических рядов естественно автокоррелированы, поскольку, как правило, имеют иную, чем в нашем случае, информационную природу — социально — экономическую, и составлены из агрегированных по крупным временным интервалам (годам, кварталам) показателей.

Переход от поля взаимосвязей 150 категорий к совокупности 28 неортогональных компонент, а на их основе к ортогональному факторному решению, причем, оптимизированному — выбранному из 10 решений при "джекнайф"-переборе (61) ($V = 10\%$) исходного объема (V) документов, позволил выявить 6 объективных детерминант властной логики воздействия на промышленную сферу (см. ниже следующую табл. 1). Надо сказать, что полученная таким принципиальным путем факторная модель — крайне устойчива. Это экспериментально показали различные способы ее последующего вращения: смысл и иерархия значимости выделенных факторов (при, понятно, некотором изменении ранжира нагрузок) оставались прежними.

Выше приведенные "скрытые" компоненты, предопределявшие логику нормотворчества 1920-х гг., представилось возможным интерпретировать следующим образом. I фактор — "Необходимость прорыва аграрно-промышленной сферы из традиционного к индустриальному уровню. Потребность модернизации экономики как условие выживания новой власти." II — "Антибуржуазная (антисобственническая) социальная направленность коммунистической идеологии". III — "Экономическая заинтересованность диктатуры в форсированном централизованном обобществлении средств и живого труда в промышленной сфере." IV — "Финансовая и ценорегулятивная функции государства." V — "Традиции ("воспроизводство") революционного духа — выпестовывание новых кадров хозяйственников в культивируемой классовой борьбе." VI фактор — "Политэкономическое кредо большевизма: преодоление рыночной конкуренции посредством государственного регулирования и переход к тотальной распределительно — заготовительной модели продуктообмена."

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ РОССИИ

Таблица 1

ФАКТОРЫ ЭВОЛЮЦИИ ВЛАСТНЫХ ПРИТЯЗАНИЙ К ПРОМЫСЛОВОЙ СФЕРЕ В 1920-Е ГОДЫ

<i>Факторы и признаки</i>	<i>Факторные нагрузки</i>
<i>1</i>	<i>2</i>
I фактор. (37,5% суммарной дисперсии)	
1. Избыточное сельское население	0,84
2. Задачи индустриализации централизованной системы союзной промкооперации (реконструкция и концентрация производства, увеличение основных фондов)	0,84
3. Задачи индустриализации госпромышленности, реорганизации транспорта, капитального строительства в народном хозяйстве	0,64
4. Централизованное планирование экономических и социальных показателей развития аграрно-промышленной сферы	0,61
5. Дефицит товаров ширпотреба на селе (неудовлетворенный местный крестьянский спрос)	0,59
6. Задачи рационализации централизованной товаропроводящей сети потребкооперации и госторговли	0,59
7. Задачи вытеснения частного торгового посредничества из промышленной сферы	0,43
8. Имущественное расслоение промышленников	0,40
9. Задачи укрепления союза рабочего класса и крестьянства, достижения смычки города и села	0,39
10. Задачи скорейшего производственного кооперирования промышленно занятого населения; меры формирования процесса	0,34
11. Интересы экономического благосостояния крестьян	0,34
...	...
...	...
28.	...

МИР РОССИИ. 1995. №3-4

II фактор. (11 % суммарной дисперсии)	
1. Интересы диктатуры пролетариата, интересы компартии	0,73
2. Интересы мирового социализма, перспективы социалистического строительства в стране	0,72
3. Озабоченность властей стремлением промышленников к зажиточности	0,71
4. Задачи борьбы с зажиточными, кулацкими, предпринимательскими слоями производителей в аграрно — промышленной сфере	0,67
5. Задачи вытеснения частного торгового посредничества из промышленной сферы	0,48
6. Задачи укрепления союза рабочего класса и крестьянства, достижения смычки города и села	0,45
7. Имущественное расслоение промышленников	0,42
8. Задачи скорейшего производственного кооперирования промышленно занятого населения, меры форсирования процесса	0,39
9. Стратегия кредитной политики государства	0,38
10. Направляющая роль директив компартии для регулирования экономики и практики хозяйственного руководства	0,33
...	...
28.	...
III фактор. (6,9% суммарной дисперсии)	
1. Задачи создания (расширения) централизованной системы кредитных союзов в аграрно — промышленной сфере; необходимость ускоренного вовлечения в них крестьянских обществ взаимопомощи	0,82
2. Задачи изъятия свободных денежных средств у сельского промышленного населения (в том числе, артельщиков) через ссудо-сберегательные операции госучреждений и коопераций	0,73
3. Задачи скорейшего производственного кооперирования промышленно занятого населения; меры форсирования процесса	0,59
4. Рост товарности сельского хозяйства	
5. Стратегия кредитной политики государства	0,55
6. Имущественное расслоение промышленников	0,53
7. Интересы экономического благосостояния крестьян	0,45
...	0,38
...	...
28....	...

IV фактор. (6,6% суммарной дисперсии)	
1. Дефицит госбюджета, задачи государственного накопления	0,84
2. Инфляция; задачи оздоровления денежного курса	0,75
3. Режим экономии в народном хозяйстве, кампании за снижение цен производителями	0,68
4. Стратегия кредитной политики государства	0,45
5. Задачи укрепления союза рабочего класса и крестьянства, достижения смычки города и села	0,39
6. Задачи индустриализации госпромышленности, реорганизации транспорта, капитального строительства в народном хозяйстве	0,36
7. Задачи рационализации централизованной товаро-проводящей сети потребкооперации и госторговли	0,34
8. Дефицит товаров ширпотреба на селе (неудовлетворенный местный крестьянский спрос)	0,33
...	...
...	...
28.	...
V фактор. (5,6 % суммарной дисперсии)	
1. Кадровая политика государства и компартии во всех видах централизованных систем кооперации, связанных с аграрно — промышленной сферой. (Выдвиженчество по классовому принципу, иницилируемые "сверху" перевыборы аппаратов управления и ревизии низовых организаций, кооптации рекомендованных лиц в состав уже сформированных выборных органов.)	0,88
2. Опора компартии, комсомола в своей кадровой политике в промышленной сфере на пролетарские слои деревни (наемных работников, батраков, бедноту)	0,81
3. Задачи повышения социальной активности промышленной бедноты и батрачества, усиления влияния их политических организаций на селе	0,76
4. Направляющая роль директив компартии для регулирования экономики и практики хозяйственного руководства	0,62
5. Задачи борьбы с зажиточными, кулацкими, предпринимательскими слоями производителей в аграрно — промышленной сфере	0,33
...	...
...	...
28.	...

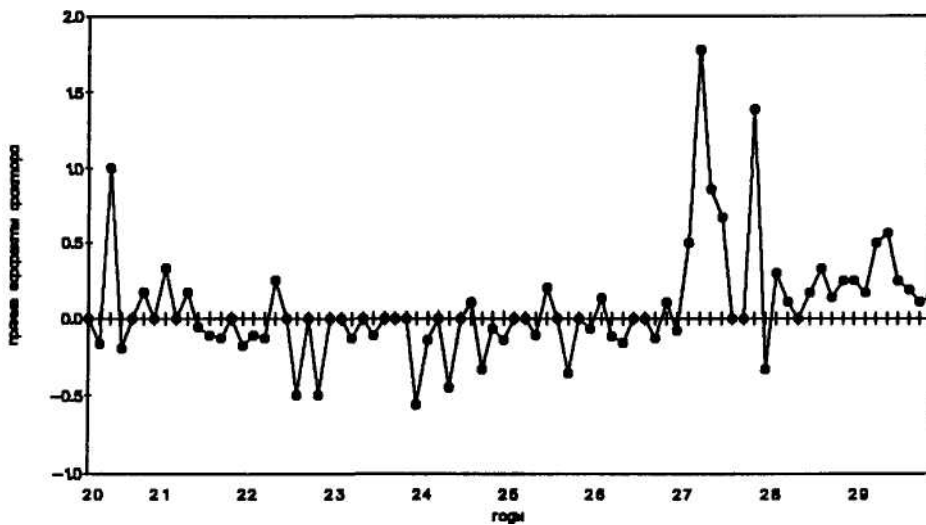
МИР РОССИИ. 1995. №3-4

VI фактор. (4,8 % суммарной дисперсии)	
1. Необходимость борьбы против частной стихии. Задачи ликвидации (преодоления) конкуренции на внутреннем рынке	0,84
2. Необходимость государственного регулирования экономики	0,58
3. Задачи вытеснения частного торгового посредничества из промышленной сферы	0,46
4. Задачи укрепления союза рабочего класса и крестьянства, достижения смычки города и села	0,42
5. Рост товарности сельского хозяйства	0,40
6. Интересы диктатуры пролетариата, интересы компартии	0,34
7. Задачи рационализации централизованной товаро-проводящей сети потребкооперации и госторговли	0,34
...	...
28.	...

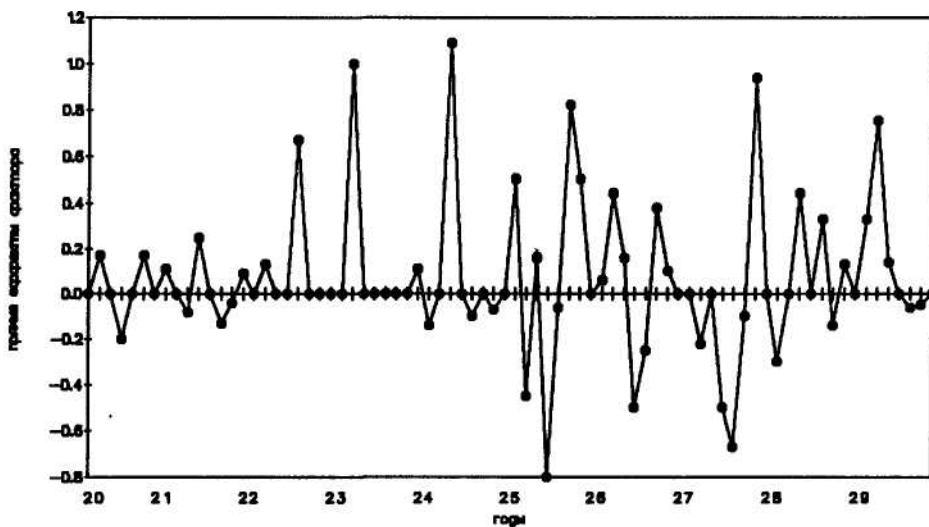
Как явствует из модели, суть властного воздействия на промышленную сферу была суммативно предопределена общими (объективными) факторами весьма значительно, однако все равно, не полностью — менее, чем на три четверти (72,4%) (62). Причем, факторов, как установлено, было шесть (а не один, скажем, монополю господствовавший и все определявший). Все эти факторы друг от друга не зависели. Стало быть, их одновременное воздействие на праворегулятивную систему — с точки зрения направления ее естественной мимикрии — предполагало для власти некоторую свободу выбора в ситуациях потенциальной поливариантности стратегии управления. Иными словами, определенные хронологические отрезки 1920 -х гг. под воздействием объективных детерминант (*каждая из которых от месяца к месяцу имела различную интенсивность своего проявления — от сильной до крайне слабой — см. рис. 1*) содержали реальную возможность рационального изменения, оптимизации законодателем средней линии — образно говоря, фарватера — нормотворчества. Вместе с тем, эволюционное "поведение" нормотворческого потока тех лет, как показал компонентный анализ, на 27,6% объяснимо случайными — и в этом смысле, иррациональными — действиями властей. По сути дела, правовое регулирование промышленности следует относить к классу вероятностных процессов с определенной долей субъективных содержательных компонент и слагаемых в создававшихся тогда нормативных актах, с долей проигнорированных (авторами последних) и даже просто не подававшихся политическому учету внешних — объективных — обстоятельств. Чтобы высказанная мысль не выглядела совсем уж банальной (для системных аналитиков, но не для традиционных в своей гуманитарной ментальности историков — специалистов по 1920 -м гг.) подчеркнем, что речь идет о стохастическом процессе с неоднозначно детерминированным и, стало быть, потенциально многовариантным исходом. Это позволяет утверждать, во-первых, о наличии исторических альтернатив регулирования промышленной сферы, характеризующихся, очевидно (*под воздействием объективных ортогональных факторов*), как **непересекающиеся** тенденции, которые время от времени явно проявлялись в динамике 1920-х гг. в виде социально необходимых — рационализированных

**Рис. 1. ДИНАМИКА ФАКТОРОВ ВЛАСТНОГО НОРМОТВОРЧЕСТВА
В АГРАРНО-ПРОМЫСЛОВОЙ СФЕРЕ В 1920-е гг.**

I фактор. Необходимость прорыва аграрно-промышленной сферы из традиционного состояния к индустриальному уровню. Историческая потребность модернизации экономики.

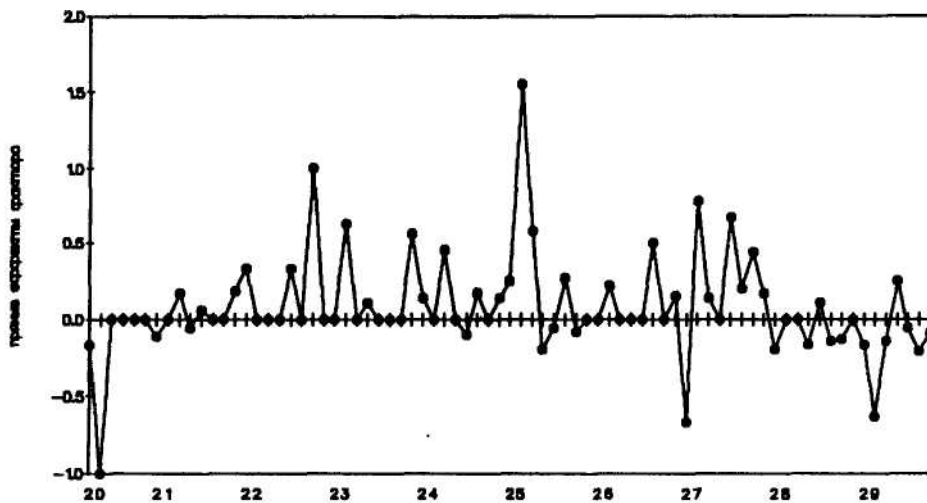

II Фактор. Антибуржуазная социальная направленность коммунистической идеологии.

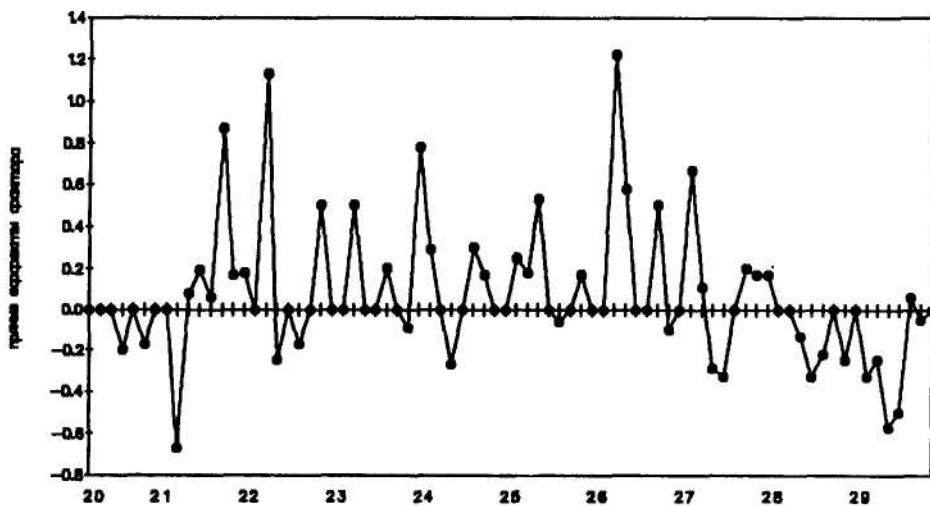

Продолжение рис. 1

III Фактор. Экономическая заинтересованность диктатуры в скорейшем централизованном обобществлении средств и живую труда в аграрно-промышленной сфере

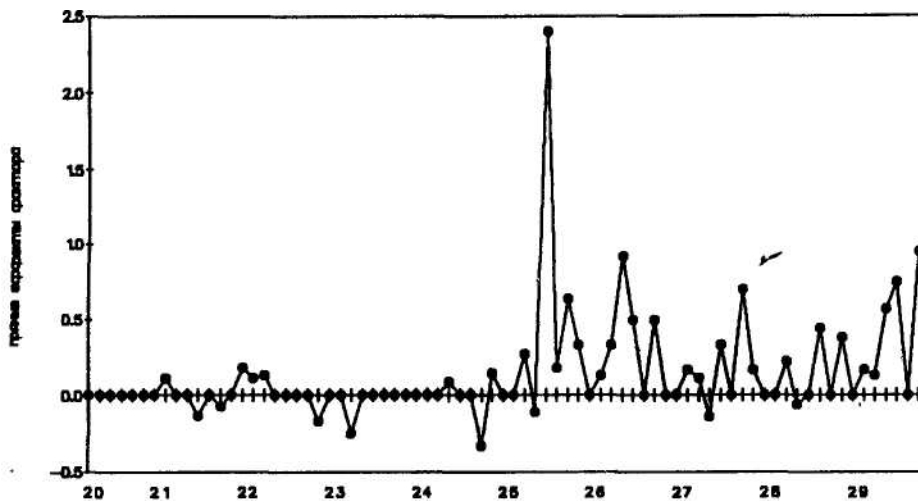
IV фактор. Финансовая, ценорегулятивная функции государства

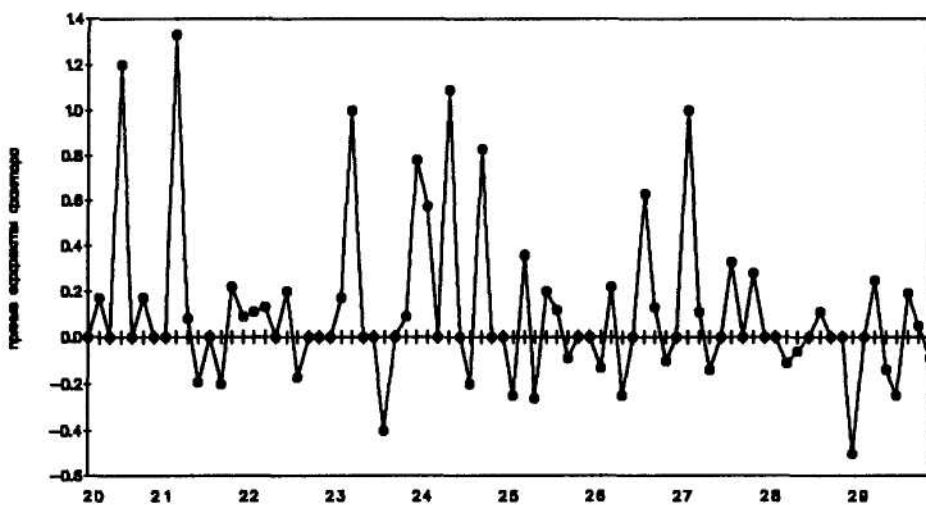
ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ РОССИИ

Окончание рис. 1

V Фактор. Традиции ("воспроизводство") революционного духа -
- выпестовывание новых кадров в культивируемой классовой борьбе

VI Фактор. Политэкономическое кредо большевизма: преодоление рыночной конкуренции
посредством государственного регулирования и переход к тотальной
распределительно-заготовительной модели продуктообмена

или. неосознанных законодателем — потребностей и, следовательно, вторых, о должных бы тогда обнаруживать себя альтернативных ситуациях, когда властям представлялась-таки возможность выбора (пересмотра ранее взятого) механизма управления.

Для того, чтобы с уверенностью толковать о конкретных исторических альтернативах, присущих было какому-то исследуемому социальному процессу, надо бы сначала обнаружить те непродолжительные реальные ситуации, в которых альтернативы только -то и сосуществовали. Эти ситуации, понятно, — выпуклые узлы переплетений объективного и субъективного, действительного и возможного; однако, усматривать (интуитивно "вживаясь" в не массовый источник) и реконструировать альтернативные ситуации, исходя из явной очевидности обостренного "столкновения" субъективных факторов (скажем, политических целей и социальных идеалов), как это, *увы, еще часто делается, например, в исследованиях событий 1920-х гг.* (63), — по меньшей мере, наивно. Ибо субъекты любого социального процесса взаимодействуют и, стало быть, противостоят друг другу в той или иной форме, с той или иной интенсивностью — постоянно. Действительно, они могут снять альтернативную ситуацию, сделав определенный выбор, но являться ее первопричиной они по-просту не могут. Поэтому-то главный упор должен делаться на том, чтобы уловить, прежде всего, объективные условия (факторы) формирования альтернативных ситуаций. Однозначно же вскрыть объективные детерминанты альтернативности расхожими приемами традиционной (описательной) историографии, на наш взгляд, невозможно. Здесь, помимо оперирования неформально-логическими посылами, необходимо привлечение собственно научных процедур и, прежде всего, математике — статистического аппарата *факторного анализа*. Именно он позволяет получить исчерпывающее (параметрическое) свидетельство не только об объективных (*общих*), но и о субъективных (*характерных*) факторах, а также о соотношении их проявления, дает подходящий ключ к их содержательному толкованию, комплексно оценивает их влияние на эволюцию изучаемого явления в целом и конкретных слагаемых (*объектов*) и характеристик этого явления в частности (64). И хотя факторный анализ самих альтернативных ситуаций не выявляет, между тем, именно он создает все необходимые предпосылки для их последующего (причем, что очень важно — отражательно - измерительного) моделирования (65). Что же имеется в виду?

В результате применения факторного анализа к данным динамического характера (*а именно такие данные содержит наша база информации о правовом регулировании промыслов*), исследователь, помимо многих познавательно ценных вещей, может получить и *факторные веса* для всех объектов — *т.е. для всех хронологических составляющих* (66) — изучаемого процесса. Факторные веса являют собой значения воздействия каждого из выделенных объективных факторов (в нашем случае их шесть) на каждый из хронологических элементов процесса (67). Уже предварительное осмысление матрицы факторных весов наталкивает на мысль, что для отдельных временных отрезков *определенного рода сочетания интенсивности воздействия (каждого из набора) факторов — близки*. В этом нетрудно убедиться, прибегнув к автоматической классификации (кластер - анализу) хронологических отрезков в пространстве факторных весов. Так, оказалось, что все 240 отрезков (продолжительностью по 2 недели каждый) более-менее равномерно распределились на четыре "жестких" кластера

(группы). Иными словами, в динамике промыслового регулирования за 10 лет верифицируемо просматриваются только четыре — *причем, независимые между собой с точки зрения комплексного воздействия общих факторов* — группы краткосрочных отрезков и, стало быть, четыре объективно обусловленных типа "нормотворчества"; *I-й тип* представляет, хотя и с определенными перерывами, практически все 1920 -е гг.; *II-й тип* присущ отдельным временным отрезкам, в основном, в первой половине 1920-х гг.; *III-й тип* — некоторым краткосрочным отрезкам, главным образом, в середине и во второй половине 1920-х гг.; *IV-й тип* характеризует преимущественно "стыкующиеся" друг с другом (до кварталов) отрезки в последней трети 1920 -х гг.

Очевидно, выявленные типы нормотворчества являют собой "автономные" русла праворегулятивного потока. Последний, представленный двухнедельными отрезками, мог в каждой временной точке своей эволюции протекать, образно говоря, лишь по одному из 4-х нормотворческих русел. При резком же изменении соотношения воздействия объективных и субъективных факторов (в определенные моменты развития) праворегулятивный поток менял свой вектор — перетекал из одного в другое русло. Не сложно догадаться, что обнаруженные типы нормотворчества есть, по большому счету, набор всех — *как-то и когда-то в динамике 1920-х гг. реализовавшихся, затем снимающихся ходом событий и вновь реализовавшихся* — альтернатив регулирования промысловой сферы. Однако, естественным образом возникает вопрос: неужели колебания нормотворчества от одного русла к другому происходили столь скачкообразно? Вряд ли... Здесь, наверняка, дело в том, что кластер-анализ, используемый применительно к *факторным весам* элементов праворегулятивного потока, имея уникальное методическое достоинство — *позволяет однозначно выявить число и специфику типов нормотворчества*, между тем, увы, поляризует у последних "пограничные" временные отрезки (т.е. поляризует объекты, по сути, — переходные), не дает возможности судить о ядре ("фарватере") и его "окружении" (периферии) у каждого из динамизирующихся типов правового регулирования. Видимо, корректно преодолеть эти технологические ограниченности стандартного кластер — анализа — значит решить методическую проблему обнаружения *альтернативных ситуаций* в эволюционных социально — политических процессах, т.е. *ситуаций* реальной поливариантности выбора вектора потенциального развития, *ситуаций* "неустойчивого торжества" периферийных, пограничных (*для основных путей эволюции*) объектов.

Адекватный инструментарий для этого, как представляется, дает *теория нечетких множеств* (ТНМ) (68). Краеугольная идея ТНМ применительно к задачам классификации объектов состоит в том, что "большинство реальных классов размыты по своей природе..., переход от принадлежности к непринадлежности для этих классов скорее постепенен, чем скачкообразен" (69). На сегодня зарекомендовали себя среди отечественных пользователей — специалистов несколько продвинутых компьютерных программных продуктов (реализующих парадигму ТНМ), ориентированных на так называемую размытую классификацию (70). Между тем, последние пока не привлекались историками к анализу временных рядов социальных показателей и их факторов (71).

Для обнаружения альтернативных ситуаций в эволюции властного регулирования промысловой сферы нами использовалась система

FUZZYCLASS, аккумулирующая один из алгоритмов нечетких решающих правил (72). Данная система, в отличии от аналогичных, позволяет гибко и наиболее продвинуто (в диалоговом режиме работы с компьютером) учитывать экспертные знания пользователя — историка. Представилось целесообразным, после многократных содержательных экспериментов с FUZZYCLASS, задать в качестве исходных параметров: веса всех 6 факторов; 4 класса (по числу ранее выявленных "жестких" типов — альтернативных путей — регулирования); "параметр размытости" (P), равный 1,3, поскольку, как было установлено при компонентном анализе нормотворческого потока, последний был объективно детерминирован общими факторами на 72% (т.е. на 0,7).

Последний методический момент требует некоторого пояснения. Вполне очевидно, что чем меньше задаваемый "порог размытости" (P), кстати, который может быть выбран из интервала $[1;2[$, тем более "жесткой" получается fuzzy-модель, т.е. последняя в пространстве заданных классов содержит меньшее число "размытых" объектов. Однако, где та оптимальная величина P , которая бы обеспечивала адекватное (исследуемому явлению) решение? Логика "давайте поиграем с перебором значений P и отберем либо средне-, либо сильно-, либо слабо-размытое решение", по наитию исходя из "знания" исторической канвы событий, не выдерживает никакой критики. Разумнее, конечно, задать значение P , равным 1,5, т.е. определиться "fifty-fifty". Между тем, возможен и иной подход, обнаруженный опытным путем.

Зададим P , равным 1,5, а также 4 класса. Из шести устойчивых (по критерию Кайзера) факторов, суммарно объясняющих 72,4% дисперсии исходных 28 показателей, удалим последний фактор (4,8% дисперсии). В пространстве весов пяти оставшихся факторов (67,6% дисперсии) получим fuzzy-решение. Исходя из значений m , подсчитаем число размытых объектов. Аналогичным образом повторим процедуру еще пять раз, каждый раз попеременно удаляя один (и, разумеется, возвращая другой, ранее удаленный) из шести изначальных факторов. Для каждой из шести полученных моделей подсчитываем число размытых объектов. В результате имеем два ряда показателей: первый — количество размытых объектов для каждого из шести fuzzy-решений, второй — шесть значений дисперсии, суммарно объясняемой теми (каждый раз пятью) факторами, веса которых попеременно привлекались для получения fuzzy-моделей. Два этих ряда тесно коррелируют, причем, имеют обратную по знаку связь: чем больше у используемых факторов суммарно объясненная дисперсия, тем меньше получается объектов, размытых между заданным числом классов. Изменим порог размытости, например, до 1,3 — закономерность, в принципе, та же. Возьмем P , равным 1,8, — вновь та же закономерность.

Теперь, во-первых, построим шесть новых fuzzy-моделей. В качестве признакового пространства для каждой из них будем брать (как и прежде) поочередно один из шести возможных наборов весов ($6-1=5$) факторов; однако будем устанавливать для получения каждой fuzzy-модели такое значение P , которое было бы обратно пропорционально доле дисперсии, суммарно объясняемой соответствующими наборами факторов. Во-вторых, построим шесть fuzzy-моделей на весах, скажем, тех пяти факторов, которые в сумме объясняли 67,6% дисперсии; для этого проиграем такой сценарий, когда от модели к модели будем менять лишь значение P (1,3; 1,4; 1,5; 1,6; 1,7; 1,8). И что же обнаруживается? Для первого случая с шестью

моделями корреляция (прямая по знаку) между количеством размытых объектов и значениями P оказывается более тесной, нежели аналогичная корреляция для второго случая.

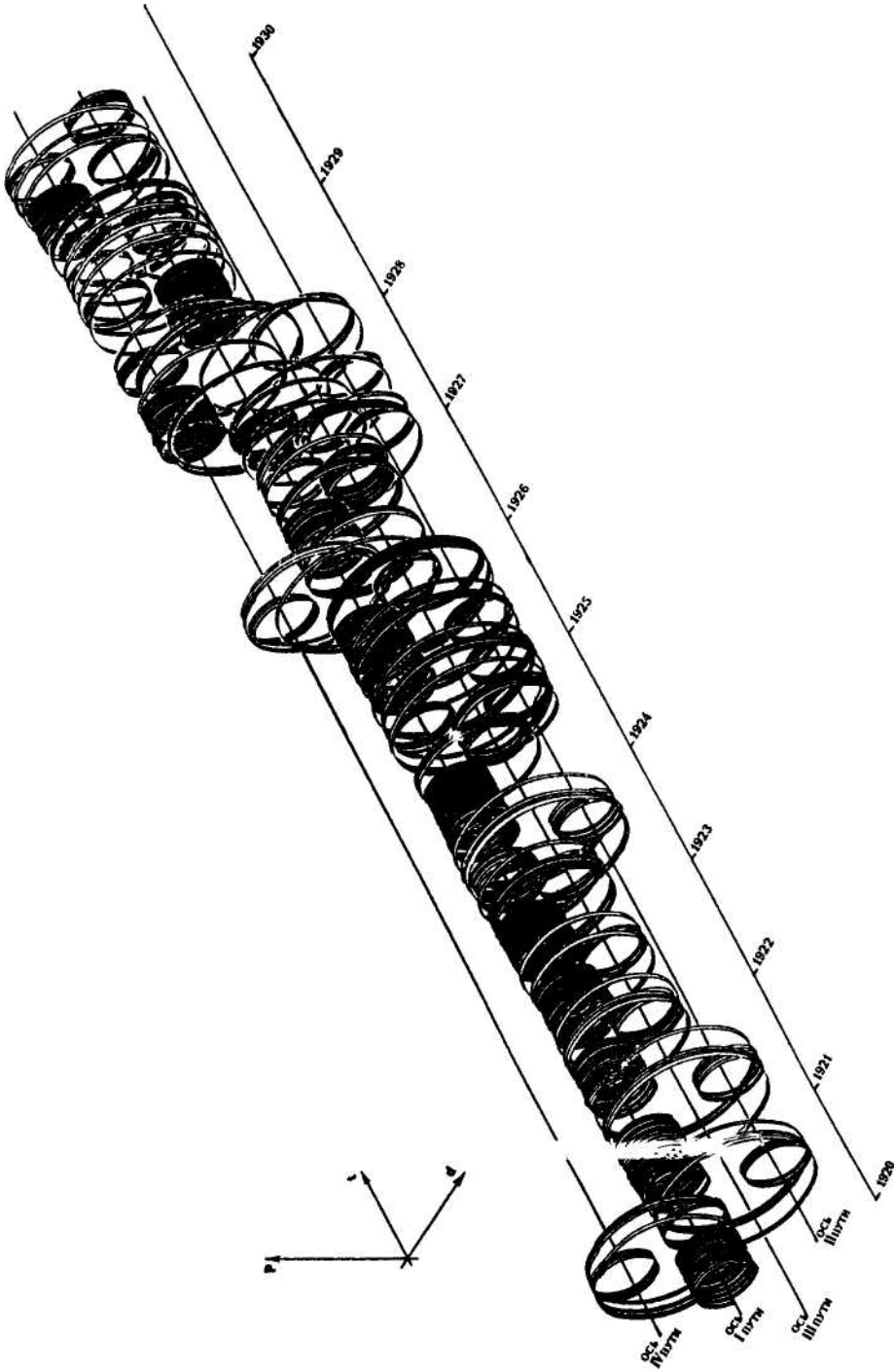
Вывод: значения функции принадлежности m через комплексные колебания факторных весов, помимо прочего, косвенно каким-то скрытым образом "аккумулируют" и процент объясненной факторами суммарной дисперсии, т.е. как ни удивительно, "аккумулируют" ту меру, которая вроде бы в fuzzy-модели напрямую не задействована. (В чем тут дело — не предмет данной работы, вопрос требует специального рассмотрения. Важно, что экспериментально обнаруженный и проверенный факт остается фактом, причем, фактом, весьма полезным в методическом отношении.) Таким образом, в случае использования факторных весов в качестве параметров для fuzzy-модели, имеет смысл устанавливать порог размытости P , соотносно доле дисперсии, суммарно объясненной устойчивыми (по Кайзеру) факторами: если последняя составляет, к примеру, 80%, то P должно быть 1,2, соответственно при 70% — 1,3, при 60% — 1,4 и т.д.

Итоги классификации (при P , равном 1,3) для 4 классов в пространстве весов 6 факторов превзошли все ожидания, то и дело возникавшие в процессе содержательных экспериментов. Финальную таблицу степеней принадлежности объектов (двухнедельных отрезков) к классам (типам властного воздействия на промыслы) мы сочли необходимым визуализировать изометрически (см. рис. 2) в виде хронологической спирали вокруг четырех непересекающихся осей, представляющих пути регулирования. Эти оси — по сути есть *прямые* средневзвешенных значений "центров" классов. Очевидно, оси находятся не в одной плоскости (73). На рис. 2 они разновелико удалены друг от друга соотносно расчетным межклассовым расстояниям, (см. табл. 2) Один виток спирали соответствует 15 дням. Радиус каждого витка пропорционален степени

Таблица 2

**МАТРИЦА РАССТОЯНИЙ (D) МЕЖДУ ОСЯМИ
КЛАССОВ (ПУТЕЙ) ВЛАСТНОГО МАКРОРЕГУЛИРОВАНИЯ
АГРАРНО-ПРОМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ В 1920-Е ГОДЫ**

ПУТИ	I	II	III	IV
I	0.00	0.91	0.78	0.65
II	0.91	0.00	1.06	1.19
III	0.78	1.06	0.00	1.17
IV	0.65	1.19	1.17	0.00

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ РОССИИ

"размытости" потока нормотворчества в условную единицу времени. Если какой-либо виток охватывает собой лишь одну из осей — значит правовое регулирование в этот момент динамизировало под воздействием сочетания объективных факторов однозначно — необходимым образом. Если же какой-то виток охватывает две и более осей, — стало быть, налицо альтернативная ситуация, когда нормотворчество реально характеризовалось "борьбой" (взаимодействием) разнящихся тенденций за потенциальный выбор одного (из соответствующего осям) пути дальнейшей эволюции. И чем больше осей охватывает виток спирали, тем шире был у власти спектр выбора из социально представляющихся альтернатив управления.

В эволюции регулирования промышленной сферы за 1920 -е гг. обнаружили себя 42 ситуации альтернативности (74), когда перед правящей элитой и политической бюрократией открывались возможности сознательной корректировки ранее взятого механизма централизованного управления (см. рис. 2, табл. 3). Заметим, что 38 ситуаций — чрезвычайно краткосрочны, продолжительностью примерно по полмесяца. Каждая из них содержала тот или иной набор лишь 2 альтернатив; причем, все ситуации были реализованы, т.е. власть в определенные моменты была в состоянии оперативно делать однозначный выбор. Это подтверждает ранее высказанную мысль, что в рамках действия объективных факторов нормотворчество 1920 -х гг. являлось достаточно реалистичным и весьма активным в плане регулятивного отклика. Как только изменялась социальная ситуация и представлялась возможность целенаправленного маневра в управлении промышленным развитием, политическая система тут же инициировала комплекс рационализированных правовых норм (75). Между тем, имели место 4 ситуации, более продолжительные, более широкие в спектре потенциального выбора проявлявшихся альтернативных путей воздействия на промыслы. Речь идет о марте — середине мая 1925 г., октябре — середине ноября 1925 г., августе — середине ноября 1927 г., середине февраля — марте 1929 г.

Таблица 3

ЭВОЛЮЦИЯ ВЛАСТНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ В 1920-Е ГОДЫ

Годы	Дни, месяцы	Однозначная и размытая принадлежность регулирования к типам (классам) правотворчества*			
		I	II	III	IV
1	2	3	4	5	6
1920	1 — 15 января	+			
	16 — 30 января	+			
	1 — 14 февраля	+			

* Знак + показывает однозначную принадлежность регулирования к конкретному типу правотворчества в определенные моменты времени. Знаки ++ указывают на размытую (нечеткую) принадлежность регулирования к каким-то типам правотворчества. Визуализация степени размытости эволюции властного макрорегулирования усилена различной контрастностью штриховки соответствующих ячеек таблицы.

МИР РОССИИ. 1995. №3-4

	15-28 февраля	+			
	1-15 марта	+			
	16-30 марта	+			
	1-15 апреля	+			
	16-30 апреля	+			
	1-15 мая	+			+
	16-30 мая				+
	1-15 июня				+
	16-30 июня	+			+
	1-15 июля	+			
	16-30 июля	+			
	1-15 августа	+	+		
	16-30 августа		+		
	1-15 сентября		+		
	16-30 сентября	+	+		
	1-15 октября	+			
	16-30 октября	+			
	1-15 ноября	+			
	16-30 ноября	+			
	1-15 декабря	+			
	16-30 декабря	+			
1921	1-15 января	+			
	16-30 января	+			
	1-14 февраля	+			
	15-28 февраля	+			
	1-15 марта	+			
	16-30 марта	+	+		
	1-15 апреля		+		
	16-30 апреля		+		
	1-15 мая	+	+		
	16-30 мая	+			
	1-15 июня	+			
	16-30 июня	+			
	1-15 июля	+			
	16-30 июля	+			
	1-15 августа	+			
	16-30 августа	+			
	1-15 сентября	+			
	16-30 сентября	+		+	
	1-15 октября			+	
	16-30 октября			+	
	1-15 ноября	+		+	
	16-30 ноября	+			
	1-15 декабря	+			
	16-30 декабря	+			
1922	1-15 января	+			
	16-30 января	+			

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ РОССИИ

	1-14 февраля	+			
	15-28 февраля	+			
	1-15 марта	+			
	16-30 марта	+		+	
	1-15 апреля			+	
	16-30 апреля			+	
	1-15 мая	+		+	
	16-30 мая	+			
	1-15 июня	+			
	16-30 июня	+			
	1-15 июля	+			
	16-30 июля	+			
	1-15 августа	+			
	16-30 августа	+			
	1-15 сентября	+			
	16-30 сентября	+			
	1-15 октября	+			
	16-30 октября	+			
	1-15 ноября	+		+	
	16-30 ноября			+	
	1-15 декабря			+	
	16-30 декабря	+		+	
1923	1-15 января	+			
	16-30 января	+			
	1-14 февраля	+			
	15-28 февраля	+			
	1-15 марта	+			
	16-30 марта	+	+		
	1-15 апреля		+		
	16-30 апреля		+		
	1-15 мая	+	+		
	16-30 мая	+			
	1-15 июня	+			
	16-30 июня	+			
	1-15 июля	+			
	16-30 июля	+			
	1-15 августа	+			
	16-30 августа	+			
	1-15 сентября	+			
	16-30 сентября	+			
	1-15 октября	+			
	16-30 октября	+			
	1-15 ноября	+			
	16-30 ноября	+			
	1-15 декабря	+			
	16-30 декабря	+		+	
1924	1-15 января			+	

МИР РОССИИ. 1995. №3-4

	16-30 января			+	
	1-14 февраля		+	+	
	15-28 февраля		+		
	1-15 марта		+		
	16-30 марта	+	+		
	1-15 апреля	+			
	16-30 апреля	+			
	1-15 мая	+	+		
	16-30 мая		+		
	1-15 июня		+		
	16-30 июня	+	+		
	1-15 июля	+			
	16-30 июля	+			
	1-15 августа	+			
	16-30 августа	+			
	1-15 сентября	+			
	16-30 сентября	+	+		
	1-15 октября		+		
	16-30 октября		+		
	1-15 ноября	+	+		
	16-30 ноября	+			
	1-15 декабря	+			
	16-30 декабря	+			
1925	1-15 января	+			
	16-30 января	+			
	1-14 февраля	+			
	15-28 февраля	+			
	1-15 марта	+		+	
	16-30 марта	+		+	
	1-15 апреля	+	+	+	
	16-30 апреля	+	+	+	
	1-15 мая	+	+	+	
	16-30 мая			+	
	1-15 июня			+	
	16-30 июня			+	+
	1-15 июля				+
	16-30 июля				+
	1-15 августа	+			+
	16-30 августа	+			
	1-15 сентября	+			
	16-30 сентября	+			
	1-15 октября	+		+	
	16-30 октября	+		+	
	1-15 ноября	+		+	
	16-30 ноября	+			
	1-15 декабря	+			
	16-30 декабря	+			
1926	1-15 января	+			

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ РОССИИ

	16-30 января	+			
	1-14 февраля	+			
	15-28 февраля	+			
	1-15 марта	+			
	16-30 марта	+		+	
	1-15 апреля			+	
	16-30 апреля			+	
	1-15 мая			+	
	16-30 мая			+	
	1-15 июня			+	
	16-30 июня	+		+	
	1-15 июля	+			
	16-30 июля	+			
	1-15 августа	+	+		
	16-30 августа		+		
	1-15 сентября		+		
	16-30 сентября		+	+	
	1-15 октября			+	
	16-30 октября			+	
	1-15 ноября	+		+	
	16-30 ноября	+			
	1-15 декабря	+			
	16-30 декабря	+			
1927	1-15 января	+			
	16-30 января	+			
	1-14 февраля	+	+		
	15-28 февраля		+		
	1-15 марта		+		
	16-30 марта		+		+
	1-15 апреля				+
	16-30 апреля				+
	1-15 мая				+
	16-30 мая				+
	1-15 июня				+
	16-30 июня				+
	1-15 июля				+
	16-30 июля				+
	1-15 августа	+			+
	16-30 августа	+	+	+	
	1-15 сентября	+	+	+	
	16-30 сентября	+	+	+	
	1-15 октября	+		+	+
	16-30 октября	+		+	+
	1-15 ноября	+		+	+
	16-30 ноября				+
	1-15 декабря				+
	16-30 декабря	+			+
1928	1-15 января	+			

МИР РОССИИ. 1995. №3-4

	16-30 января	+			
	1-14 февраля	+			
	15-28 февраля	+			
	1-15 марта	+			
	16-30 марта	+			
	1-15 апреля	+			
	16-30 апреля	+			
	1-15 мая	+			
	16-30 мая	+			
	1-15 июня	+			
	16-30 июня	+			
	1-15 июля	+			
	16-30 июля	+			
	1-15 августа	+			+
	16-30 августа				+
	1-15 сентября				+
	16-30 сентября	+			+
	1-15 октября	+			
	16-30 октября	+			
	1-15 ноября	+			+
	16-30 ноября				+
	1-15 декабря				+
	16-30 декабря	+			+
1929	1-15 января	+			
	16-30 января	+			
	1-14 февраля	+			
	15-28 февраля	+			+
	1-15 марта	+			+
	16-30 марта	+			+
	1-15 апреля				+
	16-30 апреля				+
	1-15 мая				+
	16-30 мая				+
	1-15 июня				+
	16-30 июня				+
	1-15 июля				+
	16-30 июля				+
	1-15 августа	+			+
	16-30 августа	+			
	1-15 сентября	+			
	16-30 сентября	+			+
	1-15 октября				+
	16-30 октября				+
	1-15 ноября	+			+
	16-30 ноября	+			
	1-15 декабря	+			
	16-30 декабря	+			

Обращает на себя внимание то, что 18 альтернативных ситуаций генерированы в ходе эволюции именно по первому из четырех путей правового регулирования. Мало того, 19 ситуаций альтернативности, эпизодически возникавшие в рамках одного из трех других регулятивных путей, в конечном счете вольно или невольно разрешались властвующим субъектом в пользу развития по I пути. Почему последний, в отличие от иных, время от времени реализовывавшихся, являлся столь неустойчивым, но предпочтительным? Да и каково конкретное историческое содержание всех четырех путей регулирования промысловой сферы, так или иначе проявлявшихся в виде альтернатив в объективно представлявшихся властям ситуациях по-ливариантности выбора?

В табл. 4 отражена степень устойчивости путей властного воздействия на промыслы. Из средней вариации всех факторов нормотворчества явствует, что объективно наиболее сбалансированным оказывался III путь, несколько менее — II путь, еще менее — IV путь и, наконец, самым неустойчивым — I путь. Такая природа I пути определялась: сильной изменчивостью принципов финансовой и ценорегулятивной политики государства; периодическими всплесками управленческих интересов диктатуры в скорейшем централизованном обобществлении и индустриальной концентрации средств и живого труда в промысловой сфере; время от времени навязчиво острым реанимированием в хозяйственном праве политэкономического кредо большевизма (норм преодоления рыночной конкуренции и перехода к тотальной заготовительно — распределительной модели продуктообмена). Это кредо, кстати, как доктринальный фактор, существенно снижало общую устойчивость III и IV путей правотворчества, между тем, цементировало механизм развития по II пути. Из табл. 4 ясно, что логику II пути регулирования промысловой сферы определяло сочетание более-менее устойчивых воздействий (76) (на правоформирующих субъектов) 6-го, 2-го, 1-го, 3-го факторов. III путь, в свою очередь, предполагал относительное постоянство степени проявления 4-го, 3-го, 1-го, 2-го, 5-го факторов. IV путь был возможен при стабильном поведении только 1-го, 4-го, 5-го факторов.

Представление о конкретном содержании альтернативных путей властного регулирования дают *средние* значения проявления динамических факторов нормотворчества в периоды однозначной реализации того или иного пути (см. табл. 5). Относительно данных для всех путей регулирования, I путь характеризуется: пониженной в 3 раза потребностью воспроизводства, выдвигенчества, расстановки по "классовому принципу" новых кадров управленцев и хозяйственников в обобществляемой промысловой сфере; ослаблением в 1,8 раза антибуржуазной (по сути, антисобственнической) *составляющей* в культивируемых нормах государственного, хозяйственного, гражданского права; отсутствием значимого проявления всех других правоформирующих факторов (77) и интенсивности законотворчества. Фактически это — путь минимизации административного противостояния естеству частной инициативы; это — специфический для индустриальной эпохи вариант монетаристского пути ("let it be"), когда диктатура вынужденно ограничивалась лишь "оздоровлением изнутри" организма государственного сектора и установлением надлежащей правовой структуры, преимущественно облегчающей автономное (в известной мере) функционирование последнего. До мелкого промышленного производства либо у власти, по большому счету, не доходили руки, либо она время от времени

Таблица 4

СТЕПЕНЬ УСТОЙЧИВОСТИ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ПУТЕЙ ВЛАСТНОГО МАКРОРЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ В 1920-Е ГОДЫ

Индикаторы	Коэффициенты вариации (V) индикаторов				Для всех путей регулирования
	Пути регулирования:				
	I	II	III	IV	
<i>Факторы нормотворчества:</i>	888	283	75,8	74,9	454
1. Необходимость прорыва аграрно-промышленной сферы из традиционного состояния к индустриальному уровню					
2. Антибуржуазная социальная направленность коммунистической идеологии	428	267,9	111	759,1	429
3. Экономическая заинтересованность диктатуры в скорейшем централизованном обобществлении средств и живого труда в аграрно-промышленной сфере	1125	399,1	94,5	909,8	566
4. Финансовая и ценорегулятивная функции государства	3165	671,9	35,5	121,7	512,5
5. Потребность воспроизводства и расстановки новых кадров управленцев и хозяйственников	256	391	183,8	126,4	281,5
6. Политэкономическое кредо большевизма ("безрыночная" заготовительно-распределительная модель продуктообмена!)	1080	25,9	464,8	861,3	319
<i>Дополнительные показатели: *</i>	56,8	32,9	37,7	59,5	54,8
7. Интенсивность законотворчества (число издаваемых актов за полмесяца)					
8. Доля чрезвычайных документов в общем потоке актов	229	177,5	187,6	226,6	216,3
Средняя вариация (V) для всех факторов нормотворчества**	1159	339,8	160,9	475,5	427

* ...При построении модели альтернативных путей макрорегулирования в качестве исходных данных не привлекались.

** ...без дополнительных показателей (№ 7,8).

П

ХАРАКТЕР АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ПУТЕЙ МАСТНОГО МАКРОРЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ В 1920-Е ГОДЫ

Индикаторы	Средние значения индикаторов'				Для всех путей регулирования
	Пути регулирования:				
	I. минимизации административно-го противостояния естеству частной инициативы	II. чрезвычайных мобилизационных (антирыночных) мер	III. опоры на финансово-кредитный и ценовой монополизм государства	IV. индустриальной перестройки структуры	
<i>Факторы нормотворчества:</i>		-0,09	-0,23	0,66	0,08
1. Необходимость прорыва аграрно-промышленной сферы из традиционного состояния к индустриальному уровню					
2. Антибуржуазная социальная направленность коммунистической идеологии	0,04	0,19	0,16		0,07
3. Экономическая заинтересованность диктатуры в скорейшем централизованном обобществлении средств и живого труда в аграрно-промышленной сфере		0,09	0,36		0,05
4. Финансовая и ценорегулятивная функции государства			0,76	-0,18	0,06
5. Потребность воспроизводства и расстановки новых кадров управленцев и	0,04		0,19	0,51	0,12
6. Политэкономическое кредо большевизма ("безрыночная" заготовительно-распределительная модель продуктообмена!)		0,96			0,11
<i>Дополнительные показатели:*</i>		3,8	6,06		5,07
7. Интенсивность законоотворчества (число издаваемых актов за полмесяца)					
8. Доля чрезвычайных документов в общем потоке актов		0,12	0,03		0,06

*В таблице для каждого пути регулирования приводятся средние значения лишь тех индикаторов, у которых коэффициент вариации (V) меньше, чем средний коэффициент вариации (V), рассчитанный для всех путей регулирования (см. табл.4).

оказывалась в политэкономических тупиках, не зная какой бы еще шаг предпринять по "коммунальному" обустройству промышленной России.

Как только на макроуровне экономики с определенной периодичностью наблюдались дисбалансы во взаимоотношениях госсектора и аграрно — промышленной сферы, режим обнаруживал их краеугольную причину в ошибках и ослаблении денежной политики и, в объективно образовывавшихся ситуациях альтернативности, отнюдь не случайно делал выбор именно в пользу активных финансово — кредитных и ценорегулятивных мер (III путь — см. рис.2, табл. 3, табл. 5). Если же указанные дисбалансы приобретали черты народно-хозяйственного кризиса, угрожавшего самому выживанию диктатуры, или же если финансово-денежные мероприятия правительству срабатывали в недоложной мере, как *это было, например, в конце декабря 1923 — середине февраля 1924 г., "законодатель"* посредством чрезвычайных нормативных актов (78) кратковременно вводил мобилизационные (антирыночные) механизмы регулирования промышленной сферы (II путь в рис.2, табл. 3, табл. 5). И II, и III пути — при условии стабильного поведения всех 6 объективных факторов макрорегулирования — являлись устойчивыми, могли оперативно восстанавливать баланс народно-хозяйственных секторов. Но дело-то осложнялось тем, что естественно сильная *по внутренней динамической природе* колеблемость этих факторов (и прежде всего, 3-го, 4-го, 1-го — см. рис. 1, табл.4) систематически создавала ситуации, подталкивающие правоформирующую систему на I путь развития или же, но реже, как *в обстоятельствах конца июня 1925 г., второй половины марта 1927 г.*, на IV путь (см. рис.2, табл. 3).

Последний — путь стимулирования технологической эффективности промышленной сферы и достижения большей занятости аграрного населения через индустриальную реструктуризацию экономики. Этот путь сродни I — му, но только в том смысле, что мало зависел от резкой изменчивости поведения половины объективных компонент властного нормотворчества (см. табл. 4). Между тем, он предполагал стабильное, причем, особо сильное — *в 8,3 раза большее, чем для всех путей регулирования* — проявление экономической необходимости модернизации традиционной сути аграрно-промышленной сферы и — *4-х кратное от обычного уровня* — повышение спроса на новые профессиональные кадры. В условиях время от времени реализовывавшейся "индустриальной альтернативы" (79) власть принимала правовые акты: ускоряющие технологическую перестройку наиболее общественно-промышленных отраслей; активизирующие перемещение трудовых ресурсов из малорентабельных кустарных производств; стимулирующие у занятых рост образовательного и профессионального уровней; рационализирующие товаропроводящую сеть в различного вида централизованных системах кооперации. Однако, эти мероприятия касались в промышленной сфере, главным образом, кооперативного сектора, фактически административно руководимого государством. Здесь стоимостные законы естественным образом не действовали, здесь деньги уже не являлись регулятором спроса и предложения, а лишь выступали твердым мерилем объемов производства продукции и поставок сырья. Поэтому-то и неудивительно то, что финансовая и ценорегулятивная функции, как реальный фактор властного макрорегулирования экономики, аномально имели в тех условиях крайне низкое проявление (см. табл. 5).

Может возникнуть вопрос: в рассматриваемой модели путей эволюции праворегулятивной системы не обнаруживает себя НЭП, почему? Это не

совсем так... НЭП, как система политике — правовых мер, высвобождавших до известного предела рыночные механизмы, не обнаруживает себя лишь явным образом. Он в пространстве действия долговременных факторов по-просту логично аккумулирован моделью (наряду с другими, причем, именно объективно близкими регулятивными системами — этапами) в русло I пути - пути минимизации административного противостояния естеству частной инициативы. Что касается НЭПа, как особо декларируемого периода - феномена социально — экономической и политической жизни советского общества, то модель такого рода вовсе и не должна его улавливать.

Таковы, в первом приближении, соображения относительно альтернативных путей эволюции регулирования промысловой сферы в 1920-е - "спрессованные" политэкономическими коллизиями переходного периода - годы. Как представляется, впервые предлагаемая на конкретном материале оригинальная технология обнаружения исторических ситуаций альтернативности вполне доступна и при надобности экспертно воспроизводима, и может получить достаточно широкое применение среди историков в целях измерительно — отражательного моделирования иных динамических систем, в том числе и макросоциального уровня. Эта технология наряду (или в сочетании) с продвинутыми контрфактическими — имитационно-прогностическими — моделями позволяет перейти от гипотетических умозаключений описательной историографии — об оптимальности исторического выбора социальных субъектов в некоей имевшей место ситуации — к верифицируемым процедурам анализа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например: *Могильницкий Б.Г.* Альтернативность исторического развития в ленинской теории народной революции // *Методологические и историографические вопросы исторической науки.* Томск, 1974. Вып. 9.

2. См., например: *Барг М.А., Черняк Б.Б., Павлов В.М.* Теоретические проблемы всемирно — исторического процесса. М., 1979; *Сухов А.Д.* Прогресс и история. М., 1983.

3. В этой связи исследователям, *аксиологически приверженным верифицируемым, а стало быть, подлинно научным процедурам,* становилось ясным, что искать исторические альтернативы в деятельности отдельных - пусть даже и выдающихся — личностей и(или) их политических группировок (фракций, "верхушечных" оппозиций) — бессмысленно. Ибо борьба последних являет собой "обыденные альтернативы", которые "не влияют на содержание и формы, на направление, темпы и результаты функционирования и развития общественных систем" — см.: *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987. С. 74.

4. См.: *Массовые источники по социально — экономической истории России периода капитализма.* М., 1979; *Массовые источники по социально-экономической истории советского общества.* М., 1979.

5. Цит.по: *Массовые источники по социально — экономической истории России периода капитализма.* С. 6.

6. Последние детальным образом в то время актуализировал А.К.Соколов. См., например: *Соколов А.К.* Теоретико-информационный подход к обработке массовых источников по истории рабочего клас-

са // Методологические и методические проблемы изучения рабочего класса социалистического общества. М., 1979.

7. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. (См. подраздел "Возможность и эффективность имитационного моделирования альтернативных исторических ситуаций".) С. 408 — 410.

8. В этом плане данная модель близка к так называемым *симуляционным* моделям, которые в свое время активно разрабатывал Нобелевский лауреат (1993) — американский историк Роберт У. Фогель. О творчестве последнего см.: Соколов А.К. Профессор Фогель в МГУ // Вопросы истории. 1976. №7; Левчик Д.А. Роберт Уиллиам Фогель и "Новая экономическая история" // Новая и новейшая история. 1989. №6. С. 181 — 192; Информ. бюлл. Ассоциации "История и компьютер". 1994. № 11. С. 6-10.

9. См.: Бокарев Ю.П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство СССР в 20 -е годы: источники, методы исследования, этапы взаимоотношений. М., 1989. С. 160-167.

10. Исследователь фактически воспроизвел логику познания потенциала альтернатив — *причем, альтернатив, до поры-до времени реально имевших место*, — предложенную и апробированную академиком И.Д. Ковальченко, хотя и пользовался, в отличие от последнего, значительно более сложным аппаратом контрфактического моделирования. В этой связи мы не разделяем упрека, брошенного в адрес Ю.П. Бокарева: *какой-де смысл в имитации того (имелась в виду безденежная форма экономики), что не могло происходить? А не могло происходить якобы потому, что — в условиях отсутствия должной поддержки в обществе и руководстве страны - так и не произошло...* (См.: История СССР. 1991. № 2. С. 186). На этот счет следует заметить: бессмысленно оспаривать то, что на конкретном этапе социальный субъект, выбирая, реализует лишь одну(!) из когда-то проявившегося n-го числа альтернатив. (Возможность же перехода к безденежной форме экономики в конце 1920 -го года, надо сказать, явно существовала с возможностью полного "раскрепощения" товарно-денежных отношений; обе возможности были-таки вызваны объективными факторами, т.е. являлись альтернативами — см.: Бокарев Ю.П. Указ. раб. С. 158, 167). Ну, и как же иначе — если не путем имитации возможной динамики всех выявленных альтернатив и сравнения с реализованным — таки вариантом развития (что, кстати, и сделал Ю.П. Бокарев) — понять степень рациональности действия познающего, социального субъекта (в данном случае это было государственное руководство) и оптимальность (с точки зрения открывавшихся перспектив) его конкретного исторического выбора на определенном рубеже...?

11. См.: Бородин А.И., Свищев М.А. Ретропрогнозирование социальной динамики доколхозного крестьянства: использование имитационно - альтернативных моделей // Россия и США на рубеже XIX-XX столетий. (Математические методы в исторических исследованиях). М., 1992.

12. Ковальченко И.Д. Столыпинская аграрная реформа. (Мифы и реальность)//История СССР. 1991. № 2. С.68-69.

13. См., например: Данилов В.П. Третья волна // Вопросы истории. 1988. № 3; Морозов Л.Ф. Ленинская концепция кооперации и альтернативы развития // Вопросы истории КПСС. 1988. № 6; Бордюгов Г., Козлов В. Поворот 1929 г. и альтернатива Бухарина // Вопросы истории КПСС. 1988. №8; Данилов В.П., Дмитренко В.П., Лельчук В.С. НЭП и его судьба // Историки спорят. 13 бесед / Под общ. ред. В.С. Лельчука. М., 1989;

Горинев М.М. НЭП: поиски путей развития // Знание. Сер. История. 1990. № 2; Данилов В.П. "Бухаринская альтернатива" // Бухарин: человек, политик, ученый. М., 1990; Трухан Г.А. Путь к тоталитаризму: 1917-1929 гг. М., 1994. С. 157-162; Мау В.Л. НЭП в контексте российской революции // НЭП: приобретения и потери. М., 1994.

14. Соколов А.К. Становление советской системы. 1917 — 1921. Лекции по советской истории. Часть I. Gottingen, 1994. С. 12.

15. В термин "противоположение" здесь вкладывается не только, так сказать, буквальный, но, прежде всего, глубинный философский смысл, которым, в свое время Гегель наделял операциональное понятие "antithesis" в постулируемой им *триаде* эволюции (тезис — антитезис — синтез),

16. Правда. 1924. № 184.

17. См.: Гребениченко С.Ф. Штрихи к прошлому. Кустарное подспорье//Деловой мир/Business World. 1995. 22 апреля. С. 15.

18. Суть запретительного права скрывается в следующем: "запрещается все, что не разрешено законом и нормативными актами." При разрешительной же модели хозяйственного права — "разрешается все, что не запрещено законом." Очевидно, любой свод законов и нормативных актов, даже самый "объемистый", — "не резиновый". И разрешив в нем *многое* (в случае первой из указанных моделей права), фактически можно всегда оставить запрещенным *основное*.

19. ...чего при тогда наличествующем информационном уровне принятия высоких управленческих решений, наверняка, быть не могло...

20. Вряд ли сегодня справедливо отказываться в том, что основы этой науки худо-бедно были заложены (системно разрабатывались) именно тогда последователями К. Маркса и В.И. Ленина (знакомыми со взглядами и Конфуция, Аристотеля, Макиавелли, Гегеля, многих других). Что до Дж. Бэрнхема, Д. Белла, Дж. Гэлбрейта, то эти корифеи теории социального (макро-) управления — "дети" последующего витка исторического времени социализирующейся мировой действительности.

21. В этой связи см.: Кондратьева Т. Большевики — якобинцы и призраки термидора. М., 1993.

22. ... "реализованных" по сути на "пустом" месте, в обход (если не вопреки) объективно проявлявшихся экономических законов (потребностей), но наступательно эксплуатируя распаленный в крестьянских массах психоз..., см., например: Кабанов В.В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке//Вопросы истории. 1993. №2. С. 36 — 37; Первое советское правительство. Октябрь 1917 — июль 1918 гг. М., 1991.

23. ...хотя и это имело место... — см., например: Цакунов С.В. В лабиринте доктрины. (Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы). М., 1994.

24. Там же. С. 50.

25. Касательно последних интересны (хотя и неоднозначны) соображения В.В.Подгаецкого — см.: Подгаецкий В.В. Клиометрика: Axiomata minoga (Версия 2. "Массовые" источники)//Информ. бюлл. ассоциации "История и компьютер". 1994. №10. С. 81-82.

26. См. в этой связи: Журавлев С.В. Источниковедение советского законодательства: основные итоги и перспективы исследования //Источниковедение XX столетия. М., 1993. С. 79.

27. Скорее всего следует признать, полемизируя с С.В.Цакуновым и сторонниками его тезиса, что основное направление исследовательских

разработок определенное время носило (да и ныне носит) печать приверженности не "декретному", а когда-то сформировавшемуся "доктринальному" образу восприятия реалий 1920 -х гг. Ленин против "фракционеров" и "оппозиций", "оппозиции" против Сталина, Сталин — как "ренегат истинного марксизма-ленинизма" или, наоборот, как продолжатель его, борьба мнений (лишь) видных политических фигур на "партийных форумах" — вот тот "живописный холст", всматриваясь в который (говоря устами литературного персонажа Н.В.Гоголя "до боли глаз") часть ученых-специалистов по -прежнему пытаются понять все события 1920 -х гг., "разгадывают" причины, скажем, масштабных экономических и социально - психологических метаморфоз и коллизий, "вскрывают" их "объективные" факторы, уверенно толкуют о потенциальных, но (почему-то) не имевших места в реальности альтернативах развития какой-либо народно-хозяйственной сферы. А что еще можно ожидать, если в исследовательском арсенале в качестве инструментария порой превалируют не научно верифицируемые процедуры, а экстенсивный прирост вновь открываемых и все переворачивающих-де отдельных документов, "интуитивное вживание" в их дух, морализаторские и часто грубо персонифицирующие исторический процесс оценки, типа таких: "все шло по (не по) Ленину", "такой-то социализм завещал стране тот-то", "только-то Троцкий и предвидел", "Преображенский предначертал", "к этому толкнул профсоюзы именно Томский", "а вот к этому вел крестьянство Бухарин", "Сталин победил (свернул, отбросил) нэп", и даже по — "бердяевски" в сослагательном наклонении — "поживи еще Ленин, то...", "если б И.Джугашвили стал простым священником, о чем мечтала его мать", "Калининым был бы не -Калинин" (Цюрупа, что ли...?) и т.д., и т.п.

28. Успехи историков в разработке и применении последних, особенно проявившиеся за прошедшие три -четыре года, огромны — см.: *Соколов А.К. О современном состоянии и перспективах работы с архивом машиночитаемых документов//Круг идей: новое в исторической информатике. М, 1994. С. 71 — 76, а также: История и компьютер: Новые информационные технологии в исторических исследованиях и образовании/Отв. ред. Л.И.Бородкин, В.Леверманн. Gottingen, 1993. Источниковедчески ориентированные работы, ведущиеся в таком аксиологическом плане, выкристаллизовывают новое научное направление — историческую информатику. Последнюю, на наш взгляд, уже можно определить *специальной исторической дисциплиной, изучающей общие свойства исторически значимой социальной информации, разрабатывающей процессы, методы, средства ее обработки (т.е. сбора, хранения, преобразования, перемещения, визуализации), а также обучения последним, с помощью компьютера.* См.: *Гребениченко С.ф.* С ориентиром на информационный прорыв: новый круг людей в среде фундаментальных идей//Информ. бюлл. ассоциации "История и компьютер". 1994. №.12. С. 75-85.*

29. ...который, кстати, только -то и следовало бы рассматривать устойчивой целостностью...

30. Этот, логарифмический по сути, прирост информационного потенциала ("возрастает в особо возрастающей степени") наиболее плодотворно, на наш взгляд, может быть истолкован в категориях энтропийного анализа. Весьма удачное изложение последнего, сделанное с прицелом на менталитет пользователя — историка, см.: *Соколов А.К.* Рабочий класс и ре -

волюционные изменения в социальной структуре общества. М., 1987. С. 80 - 93.

31. См. в этой связи, например: *Буховец О.Г.* Проблемы массового сознания и парадоксы историографии//Методологические проблемы исторической науки. Минск, 1993. С. 78 — 79.

32. Недостаточное понимание этого, увы, ведет к тому, что некоторые специалисты "обнаруживают" вдруг "**кризис достоверности массовых источников по советскому периоду**" (?!), ни больше ни меньше... — см., например: Информ. бюлл. ассоциации "История и компьютер". 1994. №10. С. 59-60.

33. Не секрет, что тогда большая часть законов имели характер чрезвычайных актов, стало быть, генерировались не представительными (советскими) высшими органами, а исполнително — распорядительными структурами. Вспомнить хотя бы отдельные декреты "ленинского Совнаркома", акты Президиума ВЦИК (ЦИК), впоследствии не утверждавшиеся съездами Советов, но действовавшие как высшие узаконения.

34. См., например: Информ. бюлл. ассоциации "История и компьютер". 1994. № 10. С. 59.

35. Быть может потому, что диктатура вела "все усиливающуюся борьбу" (!) с лжекооперативным "перерождением"...

36. Показательно в этом отношении издание: **Вопросы возникновения и развития контрольных органов партии и Советского государства:** содержание, формы, методы, эффективность их деятельности/Информ.-аналит. материал Отдела организационно — методической работы ЦКК КП РСФСР/"Для служеб. пользов." 1991. январь. (445с.) С. 17-220//Личный архив.

37. Там же. С. 104-125.

38. Надо подчеркнуть, что еще в начале 1920 -го года промыслы были отданы ВЦИКом, СНК на "откуп" (в смысле законодательных инициатив, расширительных нормотолкования и правоконкретизации), прежде всего, ВСНХ и Наркомзему; местным органам Советской власти такого рода самостоятельность правотворчества на протяжении всех 1920 — х гг. по сути не делегировалась. Время от времени имевшее место централизованное увеличение директивных полномочий местных властей касалось, главным образом, ведомственного руководства, и то только в плане усиления механизма конкретного исполнения и (или) контроля за реализацией высоких управленческих решений.

39. См., например: *Журавлев В.В.* Вопросы источниковедения центральных и местных инструкций по применению положения ВЦИК о рабочем контроле от 14 ноября 1917 г./Источниковедение истории советского общества, Вып. IV. М., 1982. С. 69-70.

40. Последние, несмотря на свой значительный удельный вес в массе актов новейшего периода, до недавних пор находились вне источниковедческого внимания. Впервые и весьма удачно актуализировал — с современных позиций дипломатики — задачу анализа состава разновидностей документов договорного вида С.М. Каштанов. См.: *Каштанов С.М.* Акты новейшего времени //Источниковедение XX столетия. С. 101 — 103.

41. *Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И.* Современные методы изучения исторических источников с использованием ЭВМ. М., 1987. С. 12.

42. Данные работы могут быть условно распределены следующим образом: связанные с изучением периодической печати — 40%, средневе -

ковых текстов (летописей, хронографов, др.) — 20%, документов личного происхождения — 20%, неформализованных материалов опросов общественного мнения как исторических источников — 10%, обращений местных органов самоуправления и трудовых коллективов к центральной власти — 5%, локальных актов ведомственного делопроизводства — 3%, иных — 2%. Подсчитано по: *Славко Т.Н.* Библиографический указатель по некоторым проблемам истории СССР. (Математические методы при изучении истории СССР). Казань, 1981; *Красильников С.А.* Контент-анализ как метод исследования социальных процессов: опыт применения и перспективы использования историками/Методические указания к курсу "История СССР. Источниковедение". Новосибирск, 1985; *Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И.* Указ. раб. С. 44 — 86; *Бородкин Л.И., Подгаецкий В.В.* Методические указания к изучению курса "Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях". Днепропетровск, 1988. С. 25 — 43; Информ. бюлл. Комиссии по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях при Отделении истории АН СССР (РАН). 1990-1993. №. 1-9; Информ. бюлл. ассоциации "История и компьютер". 1994. №. 10-12; *Clometr*: библиографическая база данных//Архив лаборатории исторической информатики исторического факультета МГУ.

43. *Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И.* Указ. раб. С. 15 — 30; *Бородкин Л.И.* Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986. С. 141-148.

44. Похоже, этот вопрос, стараниями некоторых архивистов — все более, если не навязчиво расхожий, становится камнем "тупикового" преткновения (деструктивной тезой) для историков, мало-помалу приходящих к необходимости использования контент — анализа в методике своих изысканий. См., например: Круг идей: новое в исторической информатике. С.25.

45. См.: *Бородкин Л.И.* Указ. раб. С. 140; а также: *Бородкин Л.И., Кирьянов И.К.* Структура политического сознания крестьянства в годы Первой русской революции. (Опыт применения контент — анализа и ЭВМ на материалах уральских губерний) //Математические методы изучения массовых источников/Отв. ред. Ю.П.Бокарев. М., 1989. С. 137-157.

46. См.: *Гребениченко С.Ф.* Логика властного воздействия на промысловую психологию селян в 1920 -е гг. (Проблема создания базы данных на основе законодательных и нормативных актов)//Информ. бюлл. ассоциации "История и компьютер" и Комиссии по применению... 1993. №.9. С.79-80.

47. *Бородкин Л.И.* Указ. раб. С. 154.

48. *Бородкин Л., Измestьев Д., Измestьева Т.* Программа "Контент" для анализа исторических текстов//Информ. бюлл. Комиссии по применению... 1992. №.7. С.29.

49. См., например: Пакеты программ для управления базами данных, контент — анализа, перевода и стилистических исследований//Информ. бюлл. Комиссии по применению... 1992. №.6. С.64 — 66; *Злобин Е.* Программа статистического анализа текстовых исторических источников//Там же. 1992. №. 7. С. 30 — 32; *Бородкин Л., Измestьев Д., Измestьева Т.* Указ. раб. С.29 - 30.

50. ...ведь, действительно, последующая проблема (корректной оболочки) программного обеспечения — здесь не краеугольная суть...

51. См.: *Хайтун С.Д.* Наукометрия: состояние и перспективы. М., 1983. С. 124-125.

52. Наиболее известной автоматизированной системой, реализующей этот подход, является GENERAL INQUIRER, разработанная и постоянно совершенствуемая в Гарвардском университете (США). Она классифицирует несколько тысяч "входных" слов анализируемых текстов социального и политического характера на сотню содержательно неразмытых категорий. (См.: *Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И.* Указ. раб. С.31). Существуют и другие системы с "фиксированным словарем". Имеются интересные "заявки" и некоторые наработки отечественных исследователей в этом направлении, см.: *Белова Е., Лазарев В.* Система управления историческими текстами. Принципы построения//История и компьютер: Новые информационные технологии. С. 193-198.

53. *Iker H.P., Harway N.J.* Computer systems approach toward the recognition and analyses of content//The analysis of communication content. New-York, 1969.

54. Наиболее "захватывающими" наработками в этой связи характеризуется творчество источниковеда и политического психолога В.М.Сергеева. См., например: *Луков В.Б., Сергеев В.М.* Опыт моделирования мышления исторических деятелей: Отто фон Бисмарк, 1866 - 1876//Вопросы кибернетики. Логика рассуждения и ее моделирование. М., 1983; *Сергеев В.М.* К вопросу о логике исторической реконструкции (на материалах древнейших текстов)//Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней. М., 1984; Его же. Структура политической аргументации в "Мелийском диалоге" Фукидида//Математика в изучении средневековых повествовательных источников. М., 1986.

55. Здесь может быть использован любой текст-процессор (перспективны новейшие из них — Word(6.0), Word for Windows(6.0), др.).

56. ...т.е. те пары признаков, "изменчивость поведения" одного из которых на 50% и более объясняется (детерминруется) влиянием другого признака; эту "изменчивость" фиксирует коэффициент детерминации, а последний, как известно, есть квадрат коэффициента корреляции ($D = r^2$), стало быть, $D \times 100\% = 0,71 \times 100\% = 50\%$...

57. При желании — о факторном анализе, ортогональном и косоугольном факторных решениях, объясненной дисперсии, факторных нагрузках и весах — см.: Количественные методы в исторических исследованиях: Учеб. пособие для студ. вузов, обуч.-ся по спец. "История"/Под ред. И.Д.Ковальченко. М., 1984. С. 276 — 288; а также: *Харман Г.* Современный факторный анализ. М., 1972. 486с.

58. Существуют различные подходы к определению числа значимых факторов. Собственная многолетняя практика показывает, что наиболее надежен подход, предложенный еще в 1960 г. Г.Кайзером (*Kaiser H.F.* The application of electronic computers to factor analysis. Ed. Psych. Measurement. 20(1960). p.141 -151.). В данном случае мы рассудительно придерживались технологии Кайзера: значимых общих факторов может быть столько же, сколько главных компонент (после редуцирования исходной матрицы частных коэффициентов корреляции), каждая из которых имеет так называемый корень 1 характеристического уравнения (иначе говоря, имеет вклад в суммарную дисперсию по **абсолютному** значению) ≥ 1 . При таком подходе, что очень важно, число выделяемых факторов и их относительный вклад (%) в суммарную дисперсию, по сути, от исследователя не зависят. См.:

Гребениченко С.Ф. Моделирование в историческом познании: к вопросу об определении значимости корреляционных моделей // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Киев, 1990. С.209 -211; Его же. Мелкая промышленность в условиях НЭПа. Задачи, источники и методы исследования. М., 1990. С.110-111, 113, 146-147.

59. ...имеется в виду выражение через 1...

60. Управление машиночитаемыми файлами БД осуществляется пакетом SPSS/PC + (5.0). Данная версия пакета содержит не только широкий набор процедур статистической обработки, но и является одновременно стандартной системой управления базами данных (СУБД) с значительно большими потенциальными возможностями, чем СУБД, например, DBASE III + . Представляется возможным создавать структуру БД, вводить и цифровые, и буквенные данные, редактировать массивы, копировать, удалять объекты или признаки и другое в плане управления информационными полями, объектами. Число признаков, вводимых в одном файле, может быть в 2 раза больше, чем в DBASE III + . Хотя СУБД типа FoxPro, Paradox также позволяют вводить значительное число параметров, преимущество SPSS/PC + (5.0) в том, что, работая в режиме статистической обработки продвинутыми методами, можно сразу же обратиться к исходному массиву и внести необходимые коррективы, не выходя из пакета.

61. Об идеологии имитационного моделирования с позиций "бутстреп"- ("джекнайф" -) подхода см.: *Гребениченко С.Ф.* Мелкая промышленность в условиях нэпа. С. 107 — 109.

62. В данном случае, как и на предыдущих этапах исследования (при формировании базы данных), для "остановки факторизации" мы используем критерий Кайзера. В результате такого подхода, напомним, число выделяемых факторов и их относительный вклад (%) в суммарно объясненную дисперсию исходных показателей, по сути, зависят лишь от "поведенческих свойств" анализируемых данных, а не от желаний или предпочтений исследователя.

63. См., например: НЭП: приобретения и потери. С. 120-125; а также отдельные историософские выступления на теоретическом семинаре в Междисциплинарном академическом центре социальных наук, не кстати звучавшие при обсуждении труда М.Л. Левина (*Lewin M. Russian Peasants and the Soviet Power. L., 1975. 539 p.*) — Современные концепции аграрного развития // Отечественная история. 1994. № 4 — 5. С. 46 — 78.

64. См.: *Харман Г.* Указ. раб.; *Бородкин Л.И., Промахина И.М.* Методы многомерного статистического анализа // Количественные методы в исторических исследованиях. С. 276 — 289.

65. Надо подчеркнуть, что до сих пор исследование тех или иных альтернатив в общественных процессах эвристически велось отдельными специалистами — квантификаторами в рамках исключительно имитационно - контрфактического (т.е., в извещном смысле, гипотетического), а не отражательно — измерительного моделирования.

66. ...ведь в нашей базе данных, напомним, объектами выступают правовые акты, которые по сути представляют собой хронологический ряд (дни) их властного принятия (утверждения).

67. Изначальные (в базе данных) временные отрезки (один день) представилось целесообразным укрупнить до 15 -ти дней, чтобы не возникало ситуаций, когда в рамках некоторых хронологических отрезков

правовых актов не принималось, а, стало быть, какого-либо воздействия факторов быть не могло.

68. См.: *Гусев Л.А., Смирнова И.М.* Размытые множества. Теория и приложения // Автоматика и телемеханика. М., 1973. № 5; *Соловьев А.С.* Методы теории нечетких множеств и их применение в социологических исследованиях // Математические модели и методы в социологии. М., 1978; *Заде Л.А.* Размытые множества и их применение в распознавании образов и кластер -анализе//Классификация и кластер. М., 1980; *Бородкин Л.И.* Об одном подходе к построению размытой классификации объектов социально — экономических систем // Системное моделирование социально - экономических процессов. Таллин, 1983; др. **Нечеткое (размытое) множество** - множество (A), принадлежность элементов (x) которого определяется так называемой функцией принадлежности, значения которой (m) лежат в интервале $[0, 1]$. Если же m принимает для всех элементов только два значения (0 и 1), то A — **обычное (четкое) множество**, т.е. $m(x) = 1$ означает, что x является элементом множества A , если $m(x) = 0$, то x не принадлежит A . (Статистический словарь. М., 1989. С. 293).

69. Цит. по: *Бородкин Л., Гарскова И.* Программное обеспечение FUZZYCLASS в историко-типологическом исследовании // История и компьютер: Новые информационные технологии... С. 89.

70. Это — программы FUZZY IZODATA, FUZZYCLASS, статистический пакет CLAMS; см., например: Информ. бюлл. Комиссии по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях при Отделении истории РАН. 1992. №7, С. 51-53; История и компьютер: Новые информационные технологии... С. 77, 89-103; Круг идей: новое в исторической информатике. С. 121 -128; История, статистика, информатика. Барнаул, 1995. С.78-101.

71. Причина этого, на наш взгляд, кроется не только (не столько) в том, что отечественные историки — квантификаторы все еще слабо привержены диахронным методам анализа и, следовательно, разработке баз динамических данных (на что когда-то указывал академик И.Д.Ковальченко - *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. С. 193), сколько в том, что они, адаптируя новшества информатики к задачам своих прикладных исследований, мало уделяют внимания логико-познавательным аспектам наполнения инновационных компьютерных программ. Так, "растущие числом" приверженцы такого гибкого программного средства, как FUZZYCLASS, разработанного в лаборатории исторической информатики МГУ, пока по — просту копируют (увы, не более того!) круг решаемых с его помощью структурно-типологических задач, которые в свое время предложили — лишь в качестве примера-то — создатели FUZZYCLASS Л.И. Бородкин и И.М. Гарскова. Сравним, например: Информ. бюлл. Комиссии по применению..., 1992. №7. С. 51-53; Круг идей: новое в исторической информатике. С. 121 -128; Информ. бюлл. ассоциации "История и компьютер". 1995. № 14. С.76 -77; История. Статистика. Информатика. С. 102-111; др.

72. См.: *Бородкин Л.И., Стадник О.Е.* Алгоритм построения решающего правила в задаче распознавания образов с использованием размытых множеств // Автоматика и телемеханика. 1985. № 11.

73. Поэтому-то при пользовании хронологической шкалой, приведенной на рис. 2, и, кстати, находящейся в единой плоскости, образуемой пересечением прямых a и t , только с осью **I пути**, надо учитывать сме-

ценность других осей относительно этой плоскости, исходя из показателей табл. 2. Естественно, что по сути данная шкала в изометрии условна и выражает лишь направленность эволюции праворегулятивной системы. Для точного же определения положения во времени конкретного витка спирали (т.е. имевшего место типа нормотворчества), при надобности, имеет смысл пересчитать число предыдущих витков и помножить это число на 15 дней или — что более разумно — обратиться к табл. 3.

74. ...это не так уж и много, поскольку в поле нашего анализа находится не макросистемный исторический феномен, а только **повседневная** практика властного нормотворчества, причем, касательно одной лишь из народно — хозяйственных составляющих; в этой связи следует также принять во внимание и "поисковую специфику" тех лет — постоянную оптимизацию доктринально властью форсируемого перехода от одного качества социальной жизнедеятельности к другому...

75. Понятно, что такого рода "наступательная" нормотворческая деятельность требовала огромных текущих интеллектуальных затрат. Неслучайны в этой связи невиданные — до "*революционного хозяйственного эксперимента государства*" 1920-х гг. — "физический износ" профессионалов и сопровождавшие его "кадровые переброски" в эшелоне политической бюрократии и аппаратах высших управленческих структур.

76. ...кстати, вне зависимости от того, были ли они сильными или слабыми...

77. ...в том числе, как ни. удивительно, финансовой, кредитной, ценно-регулятивной функций государства...

78. ...обязательных к неукоснительному исполнению всеми хозяйствующими субъектами, не терпящих никакой конкретизации, циркулярной развертки, изъятия "буквы" или толкования применительно к местным условиям...

79. На рис. 2 и в табл. 3 бросается в глаза то, что наряду с отдельными хронологическими отрезками второй половины 1920 -х гг. "индустриальная альтернатива" регулирования реально бралась властью на вооружение и в мае -июне 1920 -го г. Этот факт мало известен в историографии; однако, он - *при активной позиции Коллегии ВСНХ* — действительно имел место. Мало того, само понятие и "социалистическая" парадигма "индустриализации и централизации" промышленных форм производства были введены именно тогда, а не, скажем, в 1925 г. В этой связи см., например: Вестник промышленной кооперации. 1920. № 4. С.27; Бюллетень Главкустпрома. 1920. № 1. С.6; *Гребениченко С.Ф.* Промыслы российского села в спектре властных притязаний в 1920 -е годы. (Проблемы анализа законодательных и нормативных актов на принципах базы данных). М., 1995. 138 с. Деп. в ИНИОН РАН № 50094. С.38-39.